

ИЗМЕНА

Оставайся голым
на балконе

МАГИССА

Магисса –

**Измена: Оставайся
Голым На Балконе**

«Литнет»

2026

– М.

Измена: Оставайся Голым На Балконе / М. – — «Литнет», 2026

- Открой немедленно! Ты совсем ненормальная?! - беззвучно орал сквозь стекло мой муж, прижимаясь голым задом к балконной двери. Ноябрьский воздух стремительно замораживал его уверенность в себе. - Холодно, котик! - визжала рядом его молоденькая любовница, пытаюсь прикрыться моим любимым фикусом. Я не стала бить посуду или резать его дорогие итальянские галстуки. Я просто закрыла пластиковую дверь на блокировку, взяла черный маркер и спокойно вывела на стекле: «Оставайся голым на балконе. И в жизни». Двадцать лет я была удобной, правильной женой. Носила скучные бежевые кардиганы, экономила на себе и работала репетитором в музыкальной школе, пока мой лощеный муж строил карьеру и называл меня своим «надежным тылом». Я думала, у нас крепкий брак. А он притащил в нашу спальню 22-летнюю ассистентку, стоило нашему сыну уехать на учебу. Выбравшись с балкона, Стас пообещал уничтожить меня. Заблокировал счета, пригрозил вышвырнуть на улицу без копейки и был уверен, что «сорокалетняя училка» приползет к нему на коленях. Он ошибся. Женщина, которая всю жизнь играла роль фона, наконец-то готова исполнить свое соло. Я заберу всё, что принадлежит мне по праву. А поможет мне в этом человек, который привык строить мосты, а не разрушать их. Суровый, надежный и слишком внимательный отец моей самой невыносимой ученицы... В тексте есть: Властный и адекватный герой (никаких эмоциональных качелей, решает проблемы молча и красиво); Измена мужа и наглая любовница (получат по заслугам так, что мало не покажется); Сильная героиня (которая сбросит серую кожу, сменит имидж и заставит бывшего кусать локти); ♣# Жесткий развод (хитроумный адвокат и раздел имущества до последней ложки); ♥# Настоящая любовь и страсть (взрослые, здоровые отношения); ☆☆ Хэппи-энд для героини!

© – М., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Симфония разбитого фасада	6
Глава 2. Фигус раздора	12
Глава 3. Утро в домовом чате	16
Глава 4. Синдром отмененного бога (Стас)	19
Глава 5. Склеп несбывшихся симфоний	24
Глава 6. Архитектура конфликта	28
Глава 7. Подворотня и позвоночник	33
Глава 8. Леопардовая терапия	37
Глава 9. Чистый код	41
Глава 10. Пластиковая флейта берет фальшь	45
Глава 11. Шахматная партия в твидовом костюме	48
Глава 12. Предложение, от которого нельзя отказаться	51
Глава 13. Арест фальшивых нот	54
Глава 14. Сдувающийся шарик эгоизма (Стас)	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Глава 1. Симфония разбитого фасада

Идеальный двадцатилетний брак - это в точности как заварной крем в дорогих эклерах.

Сладкий до легкой тошноты, абсолютно предсказуемый и надежно маскирующий зияющую, беспросветную пустоту внутри теста.

Я стояла на лестничной клетке нашего этажа, держа в руках перевязанную крафтовой лентой прямоугольную коробку из модной французской кондитерской. Внутри лежали четыре идеальных фисташковых эклера. Дань божеству домашнего комфорта. Мой муж Стас возвращался сегодня из сложной, как он выразился накануне по телефону, командировки по обмену опытом в сфере продаж систем вентиляции. Я же вернулась домой на два часа раньше обычного расписания. Мой ученик по сольфеджио слег с гнойной ангиной, и окно в графике показалось мне подарком судьбы.

Ноябрьский ветер за окном подъезда с остервенением швырял в стекло горсти ледяной крошки. Я поежилась внутри своего старого, растянутого бежевого кардигана. Я любила этот цвет. На нем не было видно капель от пролитого в учительской кофе, он не привлекал внимания, он идеально сливался с любым фоном. Я сама за последние годы незаметно стала женщиной-фоном. Надежной, немаркой обивкой для дорогого дивана, на которую моему лощеному мужу было так удобно опускаться после тяжелых трудовых будней.

Ключ мягко вошел в скважину. Замок нашей бронированной двери всегда работал с тихим, сытым щелчком - Стас лично смазывал механизм и вызывал мастера раз в полгода, потому что ненавидел посторонние звуки в своем выверенном мире.

Я шагнула в прихожую.

Здесь пахло дорогим диффузором с ароматом сандала, который муж привез из прошлой поездки, и еще чем-то. Легким, едва уловимым запахом чужого сладкого пара. Ванильный вейп. Синтетическая, дешевая кондитерская сладость, которая мгновенно резанула мои рецепторы, привыкшие исключительно к запаху старой бумаги, мастики для пола и канифоли в музыкальной школе.

Я поставила тяжелую сумку с нотными тетрадями на кожаный пуфик. Привычным движением стянула с ног свои практичные осенние ботинки на плоской подошве, осталась в плотных черных колготках и замерла.

На идеально чистой, глянцевой керамогранитной плитке стояли сапоги.

Это был памятник нашим дизайнерским компромиссам - пол, цвет которого Стас выбирал неделями, а я потом годами ползала по нему с тряпкой, вытирая малейшие разводы. И прямо на этом священном граните валялась чужая обувь.

Белые. Остроносые. На тонкой, издевательски непрактичной для ноября шпильке.

Молнии на них были расстегнуты лишь наполовину, словно кто-то стягивал их в нетерпеливой, горячечной спешке, сминая дешевый кожзам. На левом каблуке вызывающе засыхала капля серой уличной грязи.

Это был чужой размер. Крошечный, наверное, тридцать шестой. Чужой фасон. Чужая, наглая, не обремененная ипотекой юность, натоптавшая в моем стерильном бежевом склепе.

Мой взгляд скользнул дальше по коридору. Дверь в комнату нашего сына Сени была приоткрыта. Всего месяц назад мой девятнадцатилетний умный мальчик собрал чемоданы и уехал в другой город учиться на программиста. Его отъезд образовал в нашей огромной квар-

тире вакуум. И, судя по белым сапожкам, природа, как и мой муж, не терпела пустоты. В этот вакуум немедленно засосало кого-то нового.

Акустику нашей дизайнерской квартиры разрезал звук.

Ритмичный. Глухой. Упорный.

Скрип из нашей со Стасом спальни.

Ошибиться было невозможно. Это стонал хваленый ортопедический матрас с тысячей независимых пружин. Тот самый матрас, на который я копила четыре месяца, беря дополнительные часы репетиторства и слушая фальшивые пассажи бездарных детей спонсоров нашей школы. Стас тогда постоянно жаловался на ноющие боли в пояснице. Трагично вздыхал, говорил, что стресс на работе убивает его позвоночник, и требовал ежевечернего массажа с дорогими мазями. Я купила этот матрас за астрономическую сумму, отказав себе в новом зимнем пальто, просто чтобы мужу было мягко спать.

Сейчас моя инвестиция в здоровье мужа отработывала каждую вложенную копейку с частотой примерно сто двадцать ударов в минуту. Музыкальный темп аллегро. Быстро, живо, с огоньком.

К ритмичному скрипу пружин добавился женский голос. Тонкий, лишенный всяких глубоких обертонов, похожий на фальшивое звучание дешевой пластиковой блок-флейты. Девушка стонала, сопровождая звуки короткими, бессмысленными охами, и тоненько называла моего сорокатрехлетнего респектабельного мужа "котиком".

Я не зажала рот дрожащей рукой. Из моих глаз не брызнули горькие слезы предательства. Мои колени не подогнулись от слабости. В дешевых мелодрамах женщины в такие моменты картинно сползают по стеночке, размазывают тушь по щекам и хватаются за сердце, бормоча "за что".

В моей реальности внутри грудной клетки просто с оглушительным треском лопнула толстая, перетянутая струна. Звук ее разрыва оглушил меня на долю секунды, а затем образовавшуюся зияющую пустоту залил абсолютный, кристально чистый лед.

Этот лед мгновенно заморозил мои внутренние органы. Заморозил ту Леру, которая годами покупала краску для волос по акции в супермаркете у дома. Заморозил удобную женщину, которая всегда уступала в спорах ради "сохранения мира в семье". Оставил только хирургически точный, пугающе холодный разум человека, внезапно осознавшего, что последние двадцать лет он оплачивал своими нервами чужую, абсолютно фальшивую симфонию.

Я не бросилась в спальню устраивать скандал. Я неслышно, в одних носках, скользнула на кухню.

Коробка с фисташковыми эклерами мягко легла на столешницу из дорогого искусственного камня. Какая нелепая, смешная композиция. Заварной крем для человека, который прямо в эти секунды увлеченно месит чужое молодое тесто.

Я расстегнула молнию своей объемной сумки-шоппера. Мои пальцы, привыкшие чувствовать каждую клавишу фортепиано не глядя, безошибочно нащупали на самом дне пенала нужный предмет. Толстый, несмываемый черный маркер. Я проверяла им музыкальные диктанты, безжалостно зачеркивая жирным крестом неверно услышанные ноты и выставляя двойки.

Сегодня мне предстояло поставить самую важную двойку в моей жизни.

Маркер лег в ладонь тяжело и увесисто. Как дирижерская палочка перед началом первого акта.

Я развернулась и пошла по коридору обратно к спальне. Мои бесшумные шаги поглощал пушистый ковер. Я не издавала ни звука, превратившись в тень, в призрака внутри собственного дома.

Дверь в спальню была приоткрыта.

Я остановилась в дверном проеме. Кровать, бережно застеленная моим любимым персиковым бельем из египетского хлопка, была измята в хлам, но пуста. Скрип прекратился. Ноябрьский сквозняк трепал тяжелый итальянский тюль, отбрасывая на паркет причудливые тени.

Парочке стало слишком жарко от активных физических упражнений.

Они вышли остыть.

Наш огромный французский балкон, остекленный в пол, смотрел во двор-колодец. Стас всегда называл его "витриной нашего успеха". Ему безумно нравилось стоять там с чашкой эспresso по выходным, глядя на соседей сверху вниз и чувствуя себя хозяином жизни.

Сейчас витрина успеха работала по своему прямому назначению, демонстрируя товар лицом. Точнее, задом.

Сквозь полупрозрачную ткань тюля я видела их абсолютно четко. Они стояли на холодном кафельном полу балкона. Совершенно голые. Разгоряченные, влажные от пота.

Стас стоял ко мне спиной, опираясь руками о парапет. Чуть ниже его спины предательски намечалась складка начинающегося возрастного жирка, которую уже не скрывали даже дорогие абонементы в премиальный фитнес-клуб. Перед ним жалась девица. Двадцать с небольшим, не больше. Нарощенные кукольные ресницы, губы, надутые гиалуронкой до состояния спелой вишни, и абсолютно пустая, гладкая лобная кость, не обезображенная интеллектом. Она прижималась к волосатой груди моего мужа и что-то щебетала, пуская изо рта белесые облачка пара.

На улице был конец ноября. Столбик термометра с утра показывал уверенные минус два градуса.

Они не слышали моих шагов. Толстый многокамерный пластиковый профиль двери надежно отсекал все звуки квартиры.

Я подошла вплотную к проему. Медленно, чтобы не спугнуть этот восхитительный момент триумфа животного начала над разумом, просунула руку за тюль.

Мои пальцы легли на гладкую металлическую ручку балконной двери. Ту самую ручку, которую Стас педантично заставлял меня протирать спиртовыми салфетками от малейших отпечатков пальцев. Створка была распахнута внутрь спальни.

Я плавно толкнула дверь от себя. Тяжелая пластиковая створка бесшумно вошла в раму. Резиновые уплотнители мягко сомкнулись, отрезая балкон от теплой спальни.

Затем я опустила ручку вниз. До самого упора.

Тихий, сытый щелчок блокирующего механизма показался мне самым совершенным музыкальным аккордом, который я когда-либо слышала.

Стас вздрогнул. Видимо, микровибрация от закрывшегося замка передалась по пластиковому профилю прямо ему под ноги.

Он резко обернулся.

Если бы в этот момент кто-то догадался сфотографировать его лицо, снимок можно было бы продавать на концептуальной выставке под названием "Крушение картонного бога".

Его глаза расширились до совершенно нелепых размеров. Челюсть отвисла, обнажив дорогие керамические виниры. Он сделал инстинктивный шаг к стеклу, и его голое, незащищенное тело смешно дернулось.

Девушка за его спиной испуганно пискнула и скрестила руки на груди, пытаясь прикрыться, съеживаясь от стремительно наступающего ледяного холода.

- Лера... - отчетливо прочитала я по губам мужа.

Сквозь качественный стеклопакет ко мне не проникало ни единого звука. Я смотрела немое кино. Жалкую пантомиму. Стас судорожно схватился за пластиковую ручку-ракушку с наружной стороны балкона. Дернул на себя. Еще раз. Сильнее. Замок сидел намертво, повинаясь законам физики и повернутому вниз рычагу.

Я стояла в тепле своей любимой спальни, кутаясь в удобный бежевый кардиган, и молча смотрела на мужчину, с которым делила постель, семейный бюджет и планы на старость целых двадцать лет. Он всегда пах дорогим парфюмом, в котором было слишком много эгоизма. Он носил итальянские костюмы как броню. А сейчас он выглядел как ошипанный, растерянный бройлер в промышленной морозильной камере.

Я медленно подняла правую руку. Зубами стянула колпачок с черного маркера и выплюнула его на пол.

Стас по ту сторону стекла замер. Его лицо перекосило от животного, первобытного ужаса. До него вдруг дошло. Он остро осознал свою полную наготу. Осознал, что наш двор-колодец имеет потрясающую акустику и просматривается из сотни окон дома напротив. Осознал, что его идеальный фасад уважаемого руководителя прямо сейчас покрывается крупными мурашками от минусовой температуры.

Я прижала толстый фетровый стержень маркера к холодному стеклу. Прямо на уровне его бегающих в панике глаз.

Скрип маркера по стеклянной поверхности внутри тихой спальни был омерзительным, режущим слух, но для меня он звучал как гениальное скрипичное соло.

Я выводила буквы медленно и крупно. Обычным, ровным почерком. Мне было абсолютно наплевать, что с той стороны стекла для него текст выглядит зеркально перевернутым. Пусть напрягает извилины, если они еще остались в этой замерзающей голове. Я слишком долго заботилась о его комфорте, чтобы переживать о таких мелочах.

"ОСТАВАЙСЯ" - написала я широкими штрихами, с удовольствием наблюдая, как пластиковая флейта позади него начинает мелко трястись, отчаянно пытаясь спрятаться за широкую спину моего мужа и прикрываясь ветками моего любимого фикуса в напольной кадке.

"ГОЛЫМ" - вывела я второе слово.

Стас начал бить раскрытыми ладонями по стеклу. Беззвучно. Ритмично. Рот его открывался и закрывался, как у выброшенного на сухой берег карпа. Он явно что-то орал. Требовал. Приказывал открыть немедленно, размахивая руками.

"НА БАЛКОНЕ" - маркер противно скрипнул на букве "О". Я улыбнулась. Мышцы лица слушались плохо после шока, но улыбка получилась абсолютно искренней. Холодной, безжалостной и мертвой.

"И В ЖИЗНИ" - уверенно закончила я свою прощальную партитуру.

Я поставила жирную, неаккуратную точку.

Стас за стеклом перестал кричать. Он в шоке смотрел на черные перевернутые буквы прямо перед своим носом, пытаясь сложить их в слова, а затем перевел затравленный взгляд на меня. В его расширенных зрачках читалась паника человека, который внезапно понял, что удобная мебель в его доме обрела собственный разум и вооружилась.

Я не стала показывать ему средний палец. Я не стала плакать, бить кулаками в стекло в ответ или кричать проклятия. Я просто отвернулась, оставляя его совершенно голым перед лицом надвигающегося ноябрьского вечера и десятков соседских глаз.

У меня было слишком много дел, чтобы тратить время на созерцание чужого позора.

Я подошла к нашему огромному шкафу-купе, занимавшему всю стену. Сдвинула тяжелую зеркальную дверцу.

Справа сиротливо висели мои скромные рабочие водолазки, дешевые джинсы и три базовых платья. Слева располагался сияющий бутик элитной мужской одежды. Брендовые костюмы из тонкой шерсти. Рубашки, отглаженные мною по утрам до идеального хруста. Десятки шелковых галстуков, за стоимость каждого из которых можно было легко оплатить несколько консультаций у хорошего юриста.

Я опустила на колени и достала с нижней полки запечатанную упаковку плотных, двадцатилитровых черных мешков для строительного мусора. Разорвала полиэтилен. Развернула первый плотный пластиковый пакет с желтыми завязками.

Сзади, за моей спиной, раздался глухой, отчаянный стук.

Бам. Бам. Бам.

Это Стас начал бить кулаком по стеклопакету. Очевидно, юная нимфа на морозе начала замерзать всерьез и требовала спасения.

Этот звук задал мне отличный рабочий ритм. Новый жизненный метроном.

Бам.

Я сдернула с вешалки первый дорогой темно-синий пиджак и небрежно швырнула его на дно черного мусорного пакета.

Бам.

Следом полетели пять накрахмаленных голубых рубашек. Прямо вместе с плечиками. Дорогой пластик вешалок сухо хрустнул под весом летящих сверху шерстяных брюк.

Бам.

Заботливо подобранные шелковые галстуки полились в мешок пестрой, скользкой змеей, смешиваясь с грязным бельем.

Я методично, движение за движением, очищала свою жизнь от накопившейся фальши. За моей спиной бился в окно голый, перепуганный насмерть человек, которого я когда-то, в прошлой жизни, наивно считала своей каменной стеной. А я с силой утрамбовывала его безупречный гардероб в мусорный пакет ногой в черном капроновом носке.

Квартира была наполнена идеальной, звенящей тишиной, сквозь которую едва пробивались жалкие, приглушенные удары снаружи. Впервые за долгие годы мне не хотелось сутулиться или извиняться за свое существование. Моя затянувшаяся бежевая кома закончилась.

Я туго затянула желтую пластиковую стяжку на первом мешке и потянулась за вторым. Жестокая соната только начала разворачиваться, и я собиралась доиграть ее до самого финала. Без единой фальшивой ноты.

Глава 2. Фигус раздора

У любой дорогой, брендовой вещи есть свой гарантийный срок и строго заявленный предел прочности. Мой муж Стас обожал читать инструкции. Он всегда точно знал, сколько циклов деликатной стирки выдержит его любимая итальянская рубашка, и какую предельную весовую нагрузку способна перенести дизайнерская подвесная полка в его кабинете. Но никто не удосужился написать в инструкции к нашему браку, при какой именно минусовой температуре ломается раздутое мужское эго.

Я методично укладывала во второй пластиковый мешок его кашемировые водолазки. Черные, графитовые, темно-синие. Стас называл это «базовым гардеробом успешного человека». На дно уже легли дорогие кожаные ремни с тяжелыми металлическими пряжками, следом полетели аккуратно сложенные джемперы крупной вязки. Мои руки двигались с хирургической, пугающей меня саму точностью. Запихнуть. Утрамбовать. Перейти к следующей полке. Я превратилась в бездушный метроном, отсчитывающий последние минуты этой фальшивой семейной партитуры.

Снаружи, за толстым стеклом нашего роскошного французского балкона, акустика менялась каждую секунду. Властный, возмущенный стук хозяина жизни, который требовал немедленно впустить его в законное тепло, продержался от силы минуты три. Затем ноябрьский мороз, уверенно державшийся на отметке минус два градуса, взял свое. Удары по многокамерному пластиковому профилю стали хаотичными, жалкими и откровенно паническими.

Я туго затянула желтую пластиковую стяжку на втором мешке и подняла взгляд.

Если бы я не оставила все свои человеческие эмоции там, в коридоре, рядом с чужими белыми сапогами, я бы, наверное, рассмеялась в голос. Картина за стеклом была достойна кисти обезумевшего сюрреалиста. Мой респектабельный, лощеный муж, который каждое утро тратил пятнадцать минут на укладку волос дорогим матовым гелем, сейчас приобрел отчетливый, нездоровый синюшный оттенок. Он смешно переминался с ноги на ногу на холодном балконном кафеле, пытаясь ладонями прикрыть самые уязвимые части своего стремительно замерзающего достоинства. Его хваленые керамические виниры, за которые мы выплачивали стоматологический кредит почти два года, выбивали частую, неконтролируемую дробь.

Позади него, съежившись в жалкий комочек, сидела на корточках его юная муза. Мiroслава. Кажется, именно так звали ту новую девочку-ассистентку из его отдела продаж, о которой он вскользь упоминал за ужином. Сейчас эта звонкая пластиковая флейта скулила, обхватив голые колени руками. Ее пухлые, обколотые гиалуронкой губы мелко тряслись, категорически отказываясь удерживать модную форму на безжалостном ноябрьском ветру. Нарощенные кукольные ресницы слиплись от слез.

В окнах нашего огромного двора-колодца, один за другим, начали зажигаться желтые квадраты света. Соседи, привыкшие к тоскливым и однообразным осенним вечерам, внезапно получили бесплатные билеты в партер на эксклюзивное реалити-шоу. Наша «витрина успеха», как любил называть этот застекленный в пол балкон Стас, наконец-то заработала на полную мощность, демонстрируя неприглядную изнанку нашего идеального брака.

Стас проследил за моим насмешливым, пустым взглядом. Он резко повернул голову, посмотрел на окна элитного дома напротив и, видимо, заметил пару мелькнувших за стеклами силуэтов со светящимися экранами телефонов в руках. До него наконец дошло. Его безупречная репутация уважаемого руководителя, его выпестованный годами образ солидного семьянина прямо в эти секунды транслировались в соседские чаты.

Паника на его синем лице мгновенно сменилась животным, загнанным отчаянием человека, которого загнали в угол. Он больше не стучал раскрытыми ладонями по профилю. Стас

тяжело, неуклюже перевалился к углу балкона. Туда, где стояла массивная напольная кадка с моим любимым фикусом Бенджамина.

Я протирала его глянцевые листья влажной губкой долгие пять лет. Поливала строго по расписанию, покупала дорогие японские удобрения, спасала от сквозняков и зимнего отопления. Для Стаса это был просто «зеленый декор», удачно вписывающийся в выверенную бежево-персиковую цветовую гамму нашей спальни.

Сейчас мой голый, доведенный до иступления муж обхватил тяжелый керамический горшок двумя руками. Поднял его на уровень своей покрытой крупными мурашками груди. Лицо его уродливо исказилось от натуги. Он сделал неверный шаг вперед и с размаху ударил кадкой прямо в центр нашего хваленного французского окна.

Раздался оглушительный, режущий уши взрыв. Звук удара в литавры, возвещающий о конце спектакля.

Многокамерный стеклопакет, который стоил как крыло небольшого самолета и гарантировал нам, по словам мужа, «идеальнейшую, мертвую тишину», осыпался на паркет сверкающим, острым ледяным водопадом. Черная, влажная земля из разбитого горшка жирными, уродливыми комьями полетела прямо на мое любимое персиковое белье из египетского хлопка.

Ствол фикуса сломался пополам с сухим, жалобным хрустом. Как будто в этот самый миг кто-то наконец переломил хребет нашему двадцатилетнему компромиссу.

Вместе со стеклянным крошечком в теплую спальню с ревом ворвался поток ледяного воздуха. Ноябрьский морозный сквозняк моментально взметнул тяжелый итальянский тюль, отбрасывая его к шкафу-купе, словно грязную тряпку.

Стас ввалился внутрь, неуклюже перешагивая через острые глыбы пластика и стекла. Следом за ним, на четвереньках, царапая колени о паркетную доску, вползла синяя от холода Мирослава.

Картина напоминала дешевый, грязный фарс в провинциальном театре.

Мой лощеный муж, человек, который мог устроить форменный скандал в ресторане из-за неправильной прожарки стейка или пятнышка на бокале, стоял посреди разгромленной спальни совершенно голый. Он был щедро, от души перемазан отборным черноземом. На его волосатой икре обильно кровоточил свежий порез от осколка, а к левому бедру нелепо прилип оторванный зеленый лист моего убитого фикуса.

Любой нормальный человек в такой унижительной ситуации попытался бы хоть чем-то прикрыться. Схватил бы плед, сдернул бы с кровати подушку, свернулся бы в клубок от стыда и шока.

Но не Стас. Стас попытался по старой привычке «включить босса».

Он выпятил испачканную землей грудь, расправил плечи, насколько это позволяла крупная мышечная дрожь, и злобно уставился на меня.

- Ты совсем больная?! - заорал он. Голос его дал жалкого петуха от переохлаждения, но интонация оставалась начальственной, требующей подчинения. - Ты что творишь, ненормальная?! Немедленно дай мне полотенце! И налей коньяк, я обморожение получил из-за тебя! Я тебя в психушку сдам за такие фокусы, ты меня поняла?!

Я стояла в двух метрах от него, кутаясь в свой старый, растянутый бежевый кардиган. Я смотрела на него и не чувствовала абсолютно ничего из привычного арсенала обманутой жены. Ни страха, ни жгучей обиды, ни желания защищаться или оправдываться. Мой внутренний хирург с холодным, отстраненным интересом препарировал этот кусок грязного, трясущегося мяса.

Я видела перед собой не грозного мужа, за которым была как за каменной стеной. Я видела смешную, обрюзгшую карикатуру на мужчину. Бракованную, дешевую деталь, которая больше не подлежала гарантийному ремонту.

Я не стала кричать в ответ. Не кинулась в ванную за пушистым махровым полотенцем. Не побежала на кухню за перекисью водорода, чтобы заботливо обработать его кровоточащую царапину. Не принялась причитать над безнадежно испорченным полом.

Я сделала один шаг вперед. Мои ступни в плотных черных колготках хрустнули по мелкой стеклянной крошке. Я молча подтолкнула к его грязным, дрожащим ногам два пузатых черных мешка для строительного мусора.

- Твой базовый гардероб собран, - сказала я ровным, ледяным голосом. Точно так же, без единой эмоции, я обычно сообщала богатым спонсорам школы, что их ребенок абсолютно бездарен и ему не стоит мучить инструмент. - У тебя есть ровно одна минута, чтобы покинуть мою квартиру.

- Твою квартиру?! - взвизгнул Стас, брызгая слюной и указывая на меня перепачканным пальцем. - Да ты в своем уме, пиликалка?! Я за нее платил! Я горбатился, пока ты свои нотки за копейки проверяла! Я...

- Пятьдесят секунд, - спокойно перебила я, глядя прямо в его бегающие, покрасневшие глаза. - Иначе я прямо сейчас вызываю наряд полиции по факту незаконного проникновения голого, агрессивного бомжа в мою спальню.

Стас резко осекся. Моя железобетонная тишина разбила его истеричный крик так же легко, как он сам только что разбил наш стеклопакет. Он вдруг остро понял, что я совершенно не шучу. В моих глазах не было привычной мягкой покорности или панического страха перед семейным скандалом. В них была только глухая, непреодолимая несущая стена.

Мирослава в этот момент попыталась тихонько отползти в коридор, громко клацая зубами. Я заметила на полу, возле резной ножки кровати, ее скомканный, дешевый кружевной лифчик. Брезгливо подцепила его двумя пальцами, стараясь не касаться основной ткани, и кинула прямо ей в перекошенное лицо.

- Одевайся, девочка. Бесплатное шоу окончено, пора на выход.

Началась жалкая, суетливая паника.

Стас, шипя сквозь зубы от боли в порезанной ноге, разорвал плотную желтую стяжку на первом мешке. Засуетился, лихорадочно вытаскивая вещи. Чистого белья там не было, я об этом предусмотрительно позаботилась. Поэтому мой идеальный, всегда пахнущий свежестью муж судорожно натягивал дорогие, выглаженные мною поутру шерстяные брюки прямо на влажное, перепачканное землей тело. Он путался в штанинах, нелепо прыгал на одной ноге, спотыкался, чертыхался, размазывая кровь и грязь по элитной итальянской ткани.

Мирослава первой выскочила в прихожую. Я пошла следом за ней.

Я с легким отвращением наблюдала, как она, скуля от холода, сдернула с вешалки свое легкое светлое пальто. Она даже не стала искать свою одежду в мешках Стаса — просто запахнула верхнюю одежду прямо на голое, синюшное тело трясущимися руками. Затем она принялась с силой втискивать узкие босые ступни прямо в свои белые сапожки на шпильке. Она не потрудилась застегнуть молнии. Просто топталась по моему стерильному, сияющему керамогранитному полу, размазывая остатки уличной слякоти и свои непрерывные слезы, оставляя за собой мокрые, грязные следы.

Стас выскочил из спальни следом.

Он успел натянуть только брюки и одну из водолазок, которая тут же пошла грязными пятнами на груди. На его ногах болтались дорогие кожаные туфли, надетые на босу ногу. В руках он судорожно сжимал два разорванных черных мешка, из которых на пол прихожей пестрой змеей вываливались шелковые галстуки. Он тяжело, со свистом дышал. Волосы прилипли ко лбу. Его глаза блестели от ярости, страха и тотального унижения.

Я подошла к тяжелой бронированной двери. Взялась за массивную, холодную металлическую ручку.

Мой муж, человек, который два десятилетия был для меня центром вселенной и главным дирижером моей жизни, остановился на пороге. Он попытался выпрямиться, расправить измазанные грязью плечи, чтобы бросить мне в лицо свое последнее, уничтожающее слово. Ему физически было необходимо оставить за собой право финального аккорда.

- Ты еще горько пожалеешь, слышишь, училка! - прошипел он. - Ты у меня на теплотрассе окажешься! Я тебя без штанов оставлю, поняла меня?! Я тебя сотру в порошок!

Я не ответила. Мой ровный, пустой взгляд скользнул по его грязному лицу, по жалкой, сутулой фигуре, по испачканным мусорным мешкам в его руках. Я просто распахнула дверь настежь.

Стас, запинаясь и подволакивая порезанную ногу, вывалился на лестничную клетку. Мирослава, тихо подвывая, метнулась следом за ним, неровно простучав шпильками по бетонным ступеням.

Я молча захлопнула дверь прямо перед его перекошенным от злобы лицом.

Моя рука легла на замок. Я повернула ключ на два оборота. Раздался тот самый, знакомый до боли, тихий, сытый щелчок верхнего сейфового механизма. Звук, который двадцать лет означал для меня возвращение мужа домой, безопасность и гарантию спокойного вечера. Сейчас этот же звук стал самым прекрасным звукоизвлечением в моей жизни. Он отрезал моего бывшего мужа от моей территории. Навсегда.

В прихожей мгновенно повисла вакуумная, звенящая тишина.

Только сквозь этот мертвый покой, из глубины квартиры, из выбитого окна спальни, доносился глухой, тоскливый вой ноябрьского ветра. Температура в помещениях стремительно падала, ползла вниз с каждой секундой. Душный, приторный аромат дорогого сандалового диффузора и химическая сладость ванильного вейпа бесследно выдувались сквозняком.

Я стояла посреди грязного коридора.

В дешевых мелодрамах обманутая жена сейчас побежала бы убирать осколки с паркета, заливаясь горячими слезами. Или бросилась бы звонить лучшей подруге, захлебываясь истерикой. Или начала бы судорожно заклеивать выбитое окно пленкой, чтобы спасти жалкие остатки домашнего уюта.

Я не сделала ничего из этого. У меня было время. Вся оставшаяся жизнь.

Я медленно прошла на кухню, стараясь не наступать на осколки стекла, долетевшие даже сюда. В комнате было уже откровенно холодно. Я обхватила себя руками за плечи.

Мой взгляд упал на кухонный остров.

Там, на холодной столешнице из дорогого искусственного камня, лежала прямоугольная коробка из модной французской кондитерской. Я подошла ближе. Мои замерзшие пальцы привычно потянули за край крафтовой ленты, развязывая узел. Откинули картонную крышку.

Внутри лежали четыре идеальных, зеленых фисташковых эклера. Дань божеству, которого больше не существовало.

Я взяла один. Аккуратно, чтобы не смять нежный заварной крем. Села на высокий барный стул, подогнув под себя ноги. Поднесла пирожное к губам и откусила большой кусок.

Сладкий, безупречный фисташковый крем мгновенно заполнил рот, смешиваясь со вкусом пыли и резкого зимнего холода, ворвавшегося в мою стерильную жизнь. Ветер с остервенением трепал мои короткие волосы, обдавая лицо ледяным дыханием надвигающейся зимы.

Впервые за двадцать лет в этом душном, пластиковом, дизайнерском склепе появился воздух. Воздух, которым я наконец-то могла дышать. И он был восхитительно холодным.

Глава 3. Утро в домовом чате

- Если этот кусок лощеного дерьма думает, что я позволю тебе замерзнуть насмерть, он просто катастрофически плохо знает Батрутдинову!

Металлическая скоба с хищным, сухим лязгом вонзилась в остатки дорогого пластикового профиля. Моя лучшая подруга Лена всадила в раму еще одну скобу, намертво прибивая толстую парниковую пленку к стене.

Я как-то пережила эту ночь, свернувшись клубком под двумя зимними одеялами в выстуженной спальне. Под утро я не выдержала, непослушными от холода пальцами набрала номер Лены и коротко обрисовала ситуацию. Она ворвалась ко мне пятнадцать минут назад в распахнутом леопардовом пальто, благоухая тяжелыми французскими духами. В одной руке она держала промышленный строительный степлер, в другой - пузатую бутылку дорогой серебряной текилы.

- Готово, - Лена отступила на шаг, критически оглядывая свою работу.

Плотный полиэтилен немедленно надулся пузырем под напором ноябрьского ветра. Он захлопал, издавая звук, похожий на барабанную дробь. Новый, жесткий стакато-ритм моей жизни.

Я сидела на высоком барном стуле, поджав под себя ноги. Поверх вчерашней рабочей водолазки, в которой я так и уснула, на мне был надет мой старый бежевый кардиган, а сверху я накинула еще и зимнее пуховое пальто. Из рта при дыхании вырывались легкие белесые облачка пара. Квартира за ночь превратилась в промышленный рефрижератор.

- Выпей, - Лена подошла к кухонному острову и решительно плеснула прозрачную жидкость в хрустальный бокал. Тот самый бокал, который Стас всегда запрещал мне доставать без особого повода, потому что это был "эксклюзивный чешский набор".

- Утро, Лен. Я бы лучше выпила кофе.

- Твоя итальянская шайтан-машина требует зерен и промывки системы, я уже проверяла, - подруга залпом выпила свою порцию прямо из горла бутылки и поморщилась. - К тому же, у нас сегодня самый что ни на есть особый повод. Премьера в партере, дорогая.

Она достала из кармана леопардового пальто свой телефон, разблокировала экран и мстительно пододвинула аппарат ко мне по холодной мраморной столешнице.

- Наслаждайся. Соседский чат нашего элитного жилого комплекса кипит с полуночи.

Я опустила взгляд. На экране беззвучно проигрывалось видео. Качество современной оптики на смартфонах порой пугает. Соседи из дома напротив сняли абсолютно всё с идеальным зумом и отличной резкостью.

На экране мой лощенный, безупречный Стас, человек, который мог устроить форменный скандал в химчистке из-за микроскопического пятнышка на манжете, смешно скакал по кафельному полу балкона. Он был абсолютно голым. Его кожа приобрела отчетливый синюшный оттенок. В руках он судорожно сжимал оторванный лист моего убитого фикуса, пытаясь прикрыть им свои съезжившиеся от минусовой температуры мужские достоинства. Позади него в кадре мелькала голая спина его пластиковой флейты, которая пыталась спрятаться за кадку.

Под видео стремительно летела лента комментариев.

"Лобова из 84-й квартиры жена выгнала? А я всегда говорила, что он скользкий тип!"

"Ничего себе корпоратив у человека удался".

"Соседи, прикройте детей, у нас тут выставка микроорганизмов в окне напротив!"

"А фикус жалко, красивый был цветок".

Я смотрела на этот цифровой позор и не чувствовала ничего. Ни жгучего стыда обманутой жены, ни желания провалиться сквозь землю. Мой внутренний хирург просто констатировал факт: операция прошла успешно. Гнойник вскрыт. Хваленая "витрина успеха", которой Стас так гордился перед гостями, наконец-то показала реальный ассортимент.

- Я сейчас спущусь в супермаркет, - спокойно сказала я, отодвигая телефон. - Куплю растворимый кофе. И лимон для твоей текилы.

- Только оденься нормально, - фыркнула Лена. - На тебя же сейчас весь дом смотреть будет.

- Пусть смотрят.

Я не стала переодеваться. Я просто застегнула пуховик поверх бежевого кардигана, сунула ноги в осенние ботинки без каблука и вышла в подъезд. В кармане лежала наша общая семейная банковская карта и ключи.

Лифт приехал почти сразу. Двери бесшумно разъехались, и я шагнула в зеркальную кабину. На втором этаже лифт остановился. Внутрь зашла Инна Петровна - грузная дама из правления ТСЖ, которая всегда здоровалась со Стасом с приторной, паточной улыбочкой. По аватарке в домовом чате я знала, что именно она час назад написала комментарий про "микроорганизмы".

Инна Петровна замерла, увидев меня. Ее глаза жадно забегали по моему лицу. Она явно ожидала увидеть заплаканную, раздавленную горем женщину с красным носом. Жертву, которую можно будет лицемерно пожалеть, а потом с наслаждением обсудить с консьержкой.

Я не опустила взгляд. Я выпрямила спину так ровно, словно прямо сейчас собиралась выйти к пюпитру и дирижировать симфоническим оркестром. Я смотрела прямо в ее бегающие глазки холодным, немигающим взглядом.

Через пять секунд Инна Петровна не выдержала. Она нервно кашлянула, отвернулась к дверям и принялась напряженно изучать рекламный стенд в кабине. Моя тишина оказалась сильнее ее любопытства.

Премиальный супермаркет на первом этаже встретил меня теплом и запахом свежей выпечки. Я взяла пластиковую корзинку. Положила в нее стеклянную банку хорошего растворимого кофе, свежий багет с хрустящей корочкой и два крупных желтых лимона.

На кассе было немногочленно. Кассирша привычным движением пикнула штрих-коды.

- Семьсот сорок рублей. Картой?

Я кивнула. Я достала из кармана кусок черного пластика. Это был наш общий счет. Стас всегда говорил, что у семьи должен быть единый бюджет. Это звучало так благородно и правильно. Два дня назад я получила в музыкальной школе свою скромную зарплату и небольшую премию за участие учеников в осеннем конкурсе. И, как обычно, перевела их до копейки на эту карту - на "общие нужды и продукты".

Я приложила пластик к черному экрану терминала.

Вместо привычного одобрительного писка раздался мерзкий, резкий, обрывистый звук. Фальшивая нота, режущая слух.

- Отказ, - равнодушно сказала кассирша, глядя в свой монитор. - Приложите еще раз, может, чип не считался.

Я приложила карту во второй раз.

Пи-и-ип. Терминал загорелся красным.

- Недостаточно средств, - кассирша подняла на меня глаза. В очереди позади меня кто-то нетерпеливо переступил с ноги на ногу.

Мои пальцы дрогнули. Я достала телефон и открыла банковское приложение. Система потребовала отпечаток пальца. Колесико загрузки крутилось бесконечные три секунды, а затем на экране появилось сухое системное уведомление.

"Доступ к совместному счету закрыт владельцем. Баланс ваших счетов: 0.00 руб".

Я смотрела на эти нули, и в моей голове с оглушительным треском рушилась последняя иллюзия. Моя каменная стена оказалась обычным капканом.

Стас не просто обиделся. Он нанес ответный, расчетливый удар. Человек, который годами убеждал меня, что мои копейки в музыкальной школе - это просто "на булавки", а он содержит семью, методично и хладнокровно выгреб всё до последней копейки. Включая мои заработанные деньги. Он оставил меня без средств к существованию в выстуженной квартире с разбитым окном.

- Женщина, вы оплачивать будете? - раздраженно спросили сзади.

Я медленно подняла глаза на кассиршу.

- Нет. Извините. Оставьте это здесь.

Я убрала бесполезный кусок пластика в карман и развернулась. Моя спина оставалась абсолютно прямой. Я вышла из теплых дверей супермаркета на пронизывающий ноябрьский ветер с пустыми руками.

В дешевых романах героиня в этот момент должна была бы разрыдаться от отчаяния прямо на ступеньках магазина, осознав свою полнейшую беспомощность и зависимость от мужских денег.

Но внутри меня не было паники. Мой внутренний метроном отбил новый такт.

Лед, заморозивший мои эмоции вчера на балконе, сейчас окончательно вытеснил из крови остатки жалости к бывшему мужу. Стас думал, что лишив меня денег на хлеб, он заставит меня приползти к нему на коленях и просить прощения за публичное унижение. Он мерил меня по себе.

Он не учел одного. Женщина-фон, годами сливавшаяся с бежевыми обоями, сегодня утром умерла от переохлаждения. А та, что вышла из супермаркета, больше не собиралась играть по чужим нотам.

Глава 4. Синдром отмененного бога (Стас)

от лица Стаса

Кнопка "Заблокировать совместный счет" в банковском приложении поддалась моему большому пальцу с восхитительной, мстительной легкостью.

Я сидел на краю продавленного, уродливого дивана и смотрел, как на экране смартфона крутится зеленый кружок загрузки. Секунда, две, три. Система сухо уведомила: "Операция выполнена. Доступ пользователя Валерия Лобова аннулирован".

Я мстительно усмехнулся, чувствуя, как сжавшаяся от ночного холода и тотального унижения грудная клетка наконец-то начинает расправляться. Власть. Вот что отличает успешного, состоявшегося мужчину от истеричной бабы. Контроль над ресурсами.

Лера всегда была наивной, оторванной от жизни идеалисткой в финансовых вопросах. Она свято верила в нашу модель "общего бюджета", куда ежемесячно и педантично переводила свои смешные копейки из музыкальной школы. Как будто ее зарплата, которой едва хватало на пару моих хороших рубашек, давала ей право голоса в моем доме. Я мирился с этой ее иллюзией независимости, потому что мне было так удобно. Чертовски удобно, когда женщина считает, что наравне участвует в семейных расходах, пока ты сам решаешь, на что пойдут реальные деньги.

Я знал ее субботнее расписание наизусть. Прямо сейчас, около десяти утра, она наверняка спустилась в премиальный супермаркет на первом этаже нашего жилого комплекса. Она всегда покупала там свежий багет, лимоны и кофе. Я почти физически, в мельчайших деталях представил, как она стоит у кассы. В своем растянутом, убогом бежевом кардигане, который я ненавидел всеми фибрами души. Как она привычным жестом прикладывает кусок пластика к терминалу. Как терминал мерзко пищит, мигая красным отказом. Как кассирша смотрит на нее с профессиональным презрением, а очередь сзади начинает недовольно переминаясь и вздыхать.

Пусть постоит. Пусть покроется красными пятнами от стыда. Пусть поймет, что без меня она - абсолютный ноль. Пустое место. Бежевая обивка, с которой содрали защитный чехол.

Но одной заблокированной карты моему уязвленному эго было катастрофически мало. Я зашел в приложение страховой компании. Нашел вкладку с нашим корпоративным семейным полисом ДМС. Мой палец без малейших колебаний нажал на крестик напротив ее фамилии. Лера как раз собиралась лечить зубы в дорогой частной клинике на следующей неделе. Ничего, теперь пойдет в районную стоматологию по прописке. Посидит в унылой очереди с кашляющими пенсионерами, понюхает дешевую хлорку и хорошенько подумает о своем поведении.

Я заблокировал экран телефона и огляделся.

Квартира, которую мне удалось снять посреди ночи через приложение посуточной аренды, была форменной клоакой. Слава богу, мой смартфон уцелел во внутреннем кармане пиджака, который эта сумасшедшая швырнула на дно мусорного мешка. Если бы не привязанная к телефону карта, мы бы так и остались стоять голыми в ледяном подъезде, пока нас не забрал бы наряд полиции. Нам пришлось вызывать такси бизнес-класса, потому что в экономе я бы не сел даже под дулом пистолета, и ехать на окраину города, где нашелся единственный свободный вариант без залога и паспорта.

Сейчас, при свете тусклого ноябрьского утра, пробивающегося сквозь серый, нестираный тюль, эта "однушка" выглядела еще омерзительнее, чем ночью. Обои цвета детской неожиданности пузырились по углам, отходя от стен. На полу лежал дешевый, вздувшийся от влаги горчичный ламинат. В воздухе стоял стойкий, тошнотворный запах застарелого табака, дешевого средства для мытья полов и жареного лука, который, казалось, навсегда въелся в самую бетонную коробку.

Мое тело ломило так, будто меня пропустили через промышленную мясорубку. Спина, привыкшая к ортопедическому матрасу за двести тысяч рублей, отчаянно бунтовала после нескольких часов на поролоновом диване, из которого прямо под ребра впивались ржавые пружины.

Я опустил затравленный взгляд на свои ноги. Мои любимые итальянские брюки из тончайшей шерсти, за которые я отвалил почти половину Лериной годовой зарплаты, были безнадежно испорчены. Левая штанина была разодрана на икре в клочья, ткань намертво пропиталась моей засохшей кровью и вьевшейся землей из разбитой кадки с этим чертовым фикусом. Туфли, надетые второпях на босу ногу, натерли на пятках влажные, саднящие мозоли.

Я выглядел как помятый бомж. Я, Станислав Лобов, уважаемый руководитель отдела продаж крупного холдинга, человек, чей костюм всегда сидел безупречно.

- Ко-о-отик... - раздался с дивана капризный, тягучий голос.

Я инстинктивно поморщился. Этот звук, который еще вчера казался мне восхитительным щебетанием юной, горячей музыки, сейчас резанул по ушам, как куском пенопласта по стеклу.

Мирослава завозилась под колючим, синтетическим леопардовым пледом. Она села на скрипучей кровати, кутаясь в свое светлое пальто, которое так и не сняла за ночь, потому что под ним не было ничего, кроме гусиной кожи. Без макияжа, со слипшимися, перепутанными после беспокойного сна наращенными ресницами и слегка опухшим лицом она выглядела совершенно иначе. Куда-то мгновенно испарилась та глянцева, безупречная девочка с картинки, ради которой я рискнул привести ее в свою святая святых - дизайнерскую спальню. Передо мной сидела обычная, помятая провинциальная девица с откровенно недовольной гримасой.

- Стас, тут дубак нереальный, - она поежилась и вытянула вперед правую руку. - Ты посмотри, что твоя ненормальная жена наделала! Я ноготь сломала, когда мы по стеклу ползали! Это был френч у топ-мастера, я к ней месяц в очереди стояла!

Она трясла перед моим носом обломанным куском дешевого акрила и смотрела на меня так, будто это я лично отгрыз ей этот ноготь в приступе лунатизма.

- Мира, успокойся, - процедил я сквозь зубы, массируя пальцами пульсирующие виски. - Ноготь - это меньшая из наших проблем сейчас.

- Меньшая?! - возмущенно взвизгнула она. - А то, что мы ночевали в каком-то бомжатнике? Меня от этого запаха просто тошнит! Закажи нормальный завтрак. Я хочу сырники с рикоттой из "Сыроварни" и большой капучино на миндальном молоке. У меня желудок сводит от стресса.

Я посмотрел на нее долгим, тяжелым взглядом. В моем идеально выверенном мире, который я строил двадцать лет, женщина не смела повышать на меня голос или требовать что-то в таком приказном тоне. Лера по выходным вставала на час раньше меня, чтобы к моему пробуждению на кухонном острове уже стоял свежесваренный в дорогой кофемашине эспрессо и горячие тосты. Она двигалась по квартире бесшумно, как тень, чтобы ни в коем случае не нарушать мой покой. А эта пластиковая кукла, из-за которой я оказался в такой чудовищно унижительной ситуации, смеет качать права?

- Никаких доставок, - отрезал я, тяжело поднимаясь с дивана. Колени противно хрустнули. - На кухне есть чайник и банка какого-то дешевого растворимого кофе. Попей его. Я сейчас не собираюсь тратить деньги на ресторанные сырники. Нам нужно искать нормальную квартиру на первое время, пока Лера не одумается и не пустит меня обратно.

Мирослава возмущенно захлопала глазами, ее пухлые, обколотые гиалуронкой губы обиженно задрожали.

- Растворимый? Ты серьезно? Стас, ты же обещал мне нормальную жизнь! Ты говорил, что мы полетим на Бали в декабре! А теперь заставляешь меня пить помой в этой дыре?

- Заткнись! - рявкнул я так громко и злобно, что она инстинктивно вжала голову в плечи.
- Просто помолчи хотя бы пять минут, дай мне нормально подумать!

Я отвернулся от нее и хромя пошел в ванную. Мне физически необходимо было умыться, смыть с себя этот липкий холодный пот и унижительную грязь.

Санузел встретил меня ржавыми потеками на треснувшей фаянсовой раковине и куском раскисшего хозяйственного мыла, сиротливо лежащим на пластиковой мыльнице. Зеркало над раковиной было покрыто мутным, белесым налетом. Я посмотрел на свое отражение и едва не отшатнулся. На меня смотрел постаревший, осунувшийся мужик с землистым цветом лица, всклокоченными волосами и диким, затравленным взглядом. Где мой матирующий гель для укладки? Где мой дорогой итальянский крем после бритья? Моя полка в нашей ванной ломилась от премиальной мужской косметики, которую Лера заботливо расставляла по высоте флаконов, вытирая каждую пылинку.

Я с отвращением открыл кран. Ледяная вода с резким запахом хлорки ударила по рукам. Я попытался оттереть пятно засохшей земли с кашемировой водолазки, но сделал только хуже - темное пятно размазалось по дорогой ткани гигантской, уродливой кляксой.

Ярость снова начала затапливать мой разум, пульсируя в висках. Это всё она. Это всё Лера. Если бы она просто, как нормальная, адекватная женщина, устроила банальный скандал, поплакала, побила тарелки на кухне - я бы всё уладил. Я бы купил ей золотой браслет, свозил бы в ресторан, картинно извинился. В конце концов, успешным мужикам свойственно оступаться, это чистая биология, так устроен мир. Но она... она не просто выгнала меня. Она посягнула на самое святое. Она выставила меня на публичное посмешище.

Я вернулся в комнату. Мирослава сидела на краю дивана, насупившись, и агрессивно листала ленту в телефоне, цокая языком.

Мой собственный смартфон лежал на тумбочке из прессованных опилок. Я взял его, чтобы проверить рабочую почту. Мне как воздух нужно было убедиться, что хотя бы в моем профессиональном мире всё стабильно, солидно и находится под моим абсолютным контролем. У нас сегодня должно было быть важное онлайн-совещание с региональными дилерами.

Но на заблокированном экране висели не письма от статусных партнеров. Там светились сорок семь новых уведомлений в мессенджере Telegram.

И все они были из рабочих чатов.

Мой желудок совершил неприятный, холодный кульбит. Я разблокировал экран большим пальцем, который внезапно стал влажным и непослушным. Открыл "Флудилку Отдела Продаж".

Последнее сообщение было от Игоря, этого скользкого выскочки из отдела логистики, который уже год метил на мое место руководителя.

"Стасян, корпоратив вчера удался? Могу одолжить теплый шарфик, чтобы не застудил ничего важного на морозе. А то больничный по такой травме не оплатят".

Ниже был прикреплен тяжеловесный видеофайл.

У меня мгновенно потемнело в глазах. Сердце ухнуло куда-то в район желудка. Я нажал на кнопку воспроизведения негнушимся пальцем.

Видео было снято из окна элитного дома напротив. Качество современной оптики на айфонах поражаало своей безжалостной, хирургической детализацией. На ярком экране смартфона я увидел свой собственный, абсолютно голый зад. Камера приблизила картинку. Я увидел, как я смешно, по-идиотски, словно ошипанный бройлер, подпрыгиваю на холодном кафеле балкона. Увидел ту самую предательскую складку на талии, которую так тщательно втягивал, проходя мимо зеркал в офисе. Увидел, как я судорожно хватаю тяжелый керамический горшок с фикусом и пытаюсь им прикрыться, а моя перекошенная от ужаса физиономия выглядит нелепой, жалкой и трусливой. Позади меня металась голая Мирослава, чья личность по татуировке на плече тоже легко угадывалась.

Под видео с бешеной скоростью струилась лента комментариев от моих подчиненных. Тех самых людей, которых я безжалостно штрафовал за минутные опоздания. Тех самых менеджеров, перед которыми я часами распинался о строгой корпоративной этике, статусе и безоговорочном лидерстве.

"Жесть. Лобова жена на мороз выставила?"

"А мы-то думали, он только на планерках такой суровый, а он вон как зайчик скачет".

"Девочка-то - наша новая ассистентка Мира? Ну Станислав Андреевич дает, седина в бороду".

"Пацаны, объявляем сбор! Скидываемся боссу на теплые рейтузы!"

Воздух в комнате внезапно закончился. Я попытался сделать судорожный вдох, но горло сдавило железным спазмом. Мой идеальный, безупречный фасад, который я выстраивал по кирпичику столько лет, рухнул, разлетелся на куски, как тот злосчастный стеклопакет в нашей спальне. Я больше не был альфа-самцом. Я больше не был уважаемым, внушающим трепет руководителем. Я стал дешевым мемом. Шутом. Голым клоуном с фикусом наперевес.

Мои руки тряслись так сильно, что тяжелый телефон едва не выскользнул из пальцев. Меня пробил липкий, холодный пот. Животный, первобытный стыд мгновенно трансформировался в чистую, густую, концентрированную ненависть.

Это она. Лера. Эта серая мышь, эта бежевая моль, которой я столько лет милостиво позволял жить в дорогом комфорте. Это она специально не открыла балконную дверь. Она хладнокровно хотела меня уничтожить.

- Стас, ты чего такой бледный? - голос Мирославы донесся до меня как сквозь толстую километровую вату. - Тебе плохо? Скорую вызвать?

- Отвали от меня, - глухо прохрипел я, не сводя налитых кровью глаз с экрана.

Я должен был немедленно вернуть контроль над своей жизнью. Я должен был раздавить ее. Заставить ползать на коленях по битому стеклу и умолять о пощаде. Она думает, что победила? Она вообще не понимает, с кем связалась.

Я открыл диалог с женой. Мои пальцы с силой, остервенело забили по виртуальной клавиатуре. Я не задумывался над формулировками. Я хотел ударить как можно больнее, размазать ее самооценку по плинтусу.

"Ты думаешь я это просто так оставлю?!" - напечатал я, в ярости игнорируя опечатки. - "Ты перешла все красные линии. Твоя карта заблокирована, страховка тоже. Посмотрим, как ты запоешь, когда тебе жрать будет не на что. Даю тебе время до вечера. Уберешь все осколки с паркета, закажешь новое окно за свои деньги и на коленях попросишься обратно. Иначе я подаю на развод, вышвыриваю тебя из моей квартиры и оставляю бомжикой на теплотрассе. Тебе никто не поможет. Ты извенишься за то, что устроила, поняла меня?!"

Я с силой нажал кнопку "Отправить". Сообщение мгновенно улетело, отметившись двумя серыми галочками. Доставлено и прочитано.

Я отбросил телефон на продавленный диван и тяжело опустился рядом, обхватив голову руками. Грудная клетка ходила ходуном.

Я был абсолютно уверен, что сделал всё правильно. Без моих денег, в выстуженной квартире с выбитым окном, эта удобная, домашняя клуша сломается уже к обеду. Она никогда не умела решать реальные проблемы. Она всегда пряталась за мою широкую спину. К вечеру она будет захлебываться слезами в трубку, просить прощения и обещать, что всё будет как раньше. А я еще хорошенько подумаю, возвращаться ли к ней. Я заставлю ее отрабатывать этот мой позор долгими годами покорности.

Я нервно сглотнул горький ком в горле, пытаюсь унять крупную дрожь в руках. Синдром бога, к которому я так привык за двадцать лет брака, требовал немедленного подтверждения своей безграничной власти. Я сидел в грязной съемной дыре, в порванных, окровавленных штанах, и отчаянно убеждал себя, что всё еще являюсь полновластным хозяином положения.

Я даже не подозревал, что мои жалкие угрозы улетели в абсолютную пустоту. Я не понимал, что перерезав последний финансовый трос, который привязывал Леру к нашему браку, я не наказал ее.

Я ее освободил.

Глава 5. Склеп несбывшихся симфоний

«Извенишься... Уберешь... Попросишься...»

Я шла по обледенелому ноябрьскому тротуару, пряча замерзшие руки глубоко в карманы старого пуховика, и мысленно препарировала утреннее сообщение от мужа. Человек, который годами кичился своими брендовыми итальянскими костюмами, выстраивал образ безупречного руководителя и учил меня правильно подавать рыбные приборы, катастрофически не умел ставить мягкий знак в глаголах.

Ветер с остервенением швырял мне в лицо колючую снежную крошку. Под подошвами осенних ботинок без каблука сухо хрустел тонкий лед. Мой желудок мучительно сводило от голода. Сладкий фисташковый эклер, съеденный вчера вечером на сквозняке перед разбитым окном, давно переварился. А свежий багет и растворимый кофе так и остались лежать на кассе премиального супермаркета полтора часа назад. Мой банковский счет светился идеальными, круглыми нулями.

Вернувшись из магазина в нашу выстуженную квартиру абсолютно ни с чем, я не стала плакать. Я просто прошла мимо Лены, которая всё еще сидела на кухне с бутылкой текилы в обнимку, молча подхватила с кожаного пуфика в прихожей свою тяжелую рабочую сумку с нотами и вышла за дверь. Утром я машинально подобрала с паркета брошенный колпачок и толстый черный маркер, закинув их на дно пенала. Мне нужны были не сочувственные тосты подруги. Мне нужен был план выживания.

Стас выверил свой удар с точностью садиста. Он перекрыл мне кислород, абсолютно уверенный, что пустой холодильник и минусовая температура заставят меня мгновенно сло-маться. Он ждал паники. Ждал, что я начну судорожно обрывать его телефон, рыдать в трубку и умолять вернуть всё как было. Вернуть доступ к моим же собственным заработанным деньгам.

Я достала телефон из кармана. Экран послушно загорелся, высвечивая его истеричные угрозы про теплотрассу, адвокатов и развод.

Мой внутренний хирург безгласно сморщился. В дешевых мелодрамах героиня сейчас остановилась бы посреди улицы, размазывая тушь по щекам, и проклинала бы свою горькую долю. Я не стала писать в ответ гневные тирады. Не стала указывать ему на чудовищные орфо-графические ошибки в тексте. Я просто смахнула сообщение влево и нажала «удалить».

Тишина - это самое страшное и невыносимое наказание для нарцисса. Пусть сидит в своей грязной съемной дыре, с разодранной ногой и ноющей пластиковой музой, и слушает, как тикают часы.

Здание музыкальной школы встретило меня привычной акустикой. Мой личный склеп несбывшихся симфоний.

Здесь всегда пахло абсолютно одинаково. Густая мастика для паркета, старая бумажная пыль, намертво въевшаяся в нотные архивы, и едкая канифоль. За каждой закрытой дверью в длинном коридоре кто-то отчаянно мучил свой инструмент. Слева неумело фальшивили на баяне, справа кто-то методично и безжалостно убивал скрипку, выдавливая из нее звуки, похожие на предсмертный кошачий визг.

Обычно я входила сюда, мягко сутулясь, стараясь ни с кем не столкнуться взглядом и незаметно прошмыгнуть в свой класс. Удобная Валерия Лобова. Безотказный педагог по соль-феджио, чья жизнь была такой же серой и предсказуемой, как расписание занятий на выцветшем информационном стенде.

Я толкнула обитую дерматином дверь учительской.

Гул женских голосов оборвался так резко, будто кто-то выдернул шнур питания из розетки.

В воздухе мгновенно повисла густая, липкая тишина. Пять педагогов, сидевших за обшарпанным круглым столом с разномастными чашками растворимого кофе, уставились на меня. Их взгляды скользили по моему лицу, спускались к старому бежевому кардигану, торчащему из-под расстегнутого пуховика, и снова возвращались к глазам.

Слухи в бюджетных учреждениях распространяются быстрее лесного пожара. А уж видео с голым мужчиной, скачущим по кафелю элитного балкона с фикусом наперевес, явно успело преодолеть границы нашего домового чата. Спасибо грузной даме из правления ТСЖ.

Стул у окна противно скрипнул. Маргарита Павловна, тучная преподавательница хора с высокой, залакированной намертво прической, тяжело поднялась навстречу. В ее пухлых пальцах подрагивала чашечка с ромашковым чаем.

- Лерочка... - она растянула накрашенные розовой помадой губы в паточной, сочувствующей улыбке, от которой за версту несло дешевым, въедливым любопытством. - Ты сегодня сама не своя. Бледная такая. Мне тут Инна Петровна из вашего дома видео переслала... Ой, даже вслух произносить неловко. В интернете такой кошмар гуляет. Мужчина там... ну, вылитый твой Станислав. С какой-то голой девицей. И с цветком. У вас со Стасиком ничего не стряслось?

Раньше я бы моментально залилась краской стыда. Пробормотала бы что-то невнятное о плохом самочувствии, опустила глаза и сбежала в свой класс, мучительно прячась от этого липкого, жадного препариования моей личной трагедии.

Но женщина-фон умерла вчера на керамогранитном полу прихожей.

Я не отвела взгляд. Я смотрела прямо в выцветшие, блестящие от предвкушения грязной сплетни глаза Маргариты Павловны. Моя спина оставалась идеально прямой.

- Маргарита Павловна, - мой голос прозвучал ровно и холодно, как звон хрусталя в пустой комнате. - Мой муж действительно оказался редкостным идиотом с крайне неудачным ракурсом. И с дешевым вкусом на женщин. Но меня сейчас гораздо больше волнует, почему ваш старший хор уже третий месяц подряд не может чисто взять «ля» второй октавы. Ваше сопрано звучит как стая простуженных чаек. Давайте каждый будет заниматься своей партитурой и не лезть в чужую.

Я отвернулась, не дожидаясь, пока она захлопнет свой приоткрытый в возмущении рот. Воздух за моей спиной зазвенел от коллективного шока. Я подошла к шкафчику, спокойно достала свой рабочий журнал посещаемости и вышла в коридор.

Кабинет директора находился в самом темном, тупиковом конце коридора.

Аркадий Борисович, сухонький мужчина с вечно съезжающими на кончик носа очками,пил корвалол из мензурки, когда я вошла без стука.

- Валерия Викторовна? - он поперхнулся, торопливо пряча стеклянный флакончик в нижний ящик стола. - Что случилось? У нас педсовет назначен только на четверг.

- Мне нужны часы, Аркадий Борисович, - я подошла вплотную к его столу. Я не стала садиться на предложенный скрипучий стул для посетителей. Я нависла над ним, опираясь костяшками замерзших пальцев о зеленое сукно столешницы. - Максимальная нагрузка. Дополнительные смены. И самые дорогие частные ученики, которые только есть в базе нашей школы.

Директор часто заморгал. Он привык видеть меня тихой, покладистой и абсолютно безотказной. Сейчас перед ним стоял человек, которому больше нечего терять.

- Лерочка, помилуйте. Бюджет сверстан еще в сентябре. Свободных часов у меня нет. Платники все давно и прочно распределены между старшими педагогами. Вы же знаете наши правила...

- Правила меняются, - перебила я ледяным тоном. - Я знаю, что от Элеоноры Михайловны вчера со скандалом ушли два человека. Я знаю, что есть внебюджетный фонд. Мне нужны деньги. Живые деньги, прямо сегодня.

Аркадий Борисович тяжело вздохнул. Он снял очки, принялся напряженно протирать их замшевой тряпочкой. Его взгляд затравленно забегал по полкам с пыльными грамотами.

- Есть одна... вакансия, - наконец выдавил он, старательно избегая смотреть мне в глаза. - Но вы сами откажетесь. От них сбежали уже три репетитора за эту осень. Последняя девочка-практикантка уволилась со слезами и нервным срывом.

- Кто?

- Сёмины, - директор произнес эту фамилию так, будто речь шла о терминальной стадии неизлечимой болезни. - Отец - наш главный спонсор. Владелец архитектурного бюро, строительный магнат. Человек тяжелый, железобетонный, авторитарный. Платит двойной тариф, но требует идеальных результатов. А девочка... Софья. Пятнадцать лет. Абсолютно неуправляемый, колючий подросток. Она ненавидит фортепиано, ненавидит школу и, кажется, весь мир заодно. Отец решает всё деньгами и привык разговаривать с педагогами как с обслуживающим персоналом. Раздавит и не заметит.

Я усмехнулась. Мои губы дрогнули в сухой, кривой улыбке.

После того, как я пережила крушение двадцатилетнего брака с психологическим абьюзом и ночной экшн с голым клоуном на балконе, меня вряд ли мог напугать какой-то богатый самодур. Моя собственная жизнь раздавила меня сутки назад. То, что от меня осталось, было сделано из монолитного куска льда.

- Ставьте их мне в расписание, - чеканила я каждое слово. - На сегодня.

- Валерия Викторовна, вы не понимаете... Прохор Сёмин слов на ветер не бросает. Если что-то пойдет не так, он лишит школу финансирования на ремонт актового зала. Вы погубите нас всех.

- Всё пойдет так, как нужно мне. Оформляйте.

Я развернулась и вышла из кабинета, оставив директора в состоянии легкого оцепенения.

Мой класс под номером четырнадцать находился в старом крыле.

Я зашла внутрь и плотно прикрыла за собой тяжелую, обитую потрескавшимся дерматином дверь. Звуки школьной какофонии моментально отрезало.

В классе было промозгло. Чугунные батареи едва справлялись с ноябрьским ветром, бьющим в высокие советские окна с облупившейся белой краской. В центре стояло старое, потертое фортепиано марки «Красный Октябрь».

Я бросила тяжелую сумку на стул. Стянула пуховик.

Осталась в том самом вытянутом бежевом кардигане. Тусклый, бесцветный материал, созданный специально для того, чтобы не привлекать ничьего внимания. Годами я носила его как маскировочный халат, чтобы Стасу на моем фоне было удобнее сиять своими идеальными запонками и шелковыми галстуками.

Я подошла к инструменту и откинула тяжелую деревянную крышку. Клавиши были желтоватыми, похожими на старые зубы курильщика. Я занесла руки и с силой, вложив в движение весь свой накопившийся голод, всю ледяную ярость и боль, взяла сложный, диссонирующий аккорд.

Звук ударил по стенам. Густой, тяжелый, вибрирующий. Он долго висел в холодном воздухе пыльного класса.

Я посмотрела на свое искаженное отражение в полированном черном дереве инструмента. Я мысленно хоронила удобную жену прямо здесь и сейчас. Ее счета заблокированы, ее брак оказался дешевой подделкой, а ее будущее теперь зависело только от нее самой.

Я сунула руку в недра своей сумки. Мои пальцы безошибочно нащупали на самом дне пенала нужный предмет.

Тот самый толстый черный маркер. Моя личная дирижерская палочка. Оружие, с помощью которого я начала переписывать свою жизнь прошлой ночью.

Я достала маркер и с глухим стуком положила его на деревянный пюпитр фортепиано.

Пусть ведут эту невыносимую богатую девчонку. Пусть приходит ее страшный, авторитарный отец-магнат. У меня больше нет права на фальшивые ноты. Мне нужно оплатить услуги самого безжалостного адвоката в этом городе и выжить.

Я пододвинула скрипучую банкетку и выпрямила спину.

В эту секунду акустику коридора разрезали шаги.

Тяжелые. Размеренные. Уверенные.

Они остановились прямо за моей дверью. Это не было робким переминанием школьника перед уроком сольфеджио.

В дверь не постучали.

Бронзовая ручка дернулась и с сухим металлическим щелчком поползла вниз.

Глава 6. Архитектура конфликта

- Надеюсь, вы продержитесь дольше предыдущих.

Голос, прозвучавший от дверей моего пыльного класса, был похож на глухой удар кувалды по бетонной плите. Без позерства. Без попытки казаться значительнее, чем есть. Просто констатация факта.

Я не вздрогнула. Мой внутренний хирург, который со вчерашнего вечера работал в три смены, методично зафиксировал новую цель. В дверном проеме стоял Прохор Сёмин. Главный спонсор школы, строительный магнат и человек, от которого сбежали три преподавателя за эту осень.

За его широкой спиной маячила дочь. Пятнадцать лет чистого, концентрированного диссонанса. Мешковатая черная толстовка, массивные ботинки, на шее - огромные накладные наушники. Соня смотрела в облупившийся паркет с таким выражением, будто планировала заложить под него взрывчатку.

- Проходите, - ровно сказала я, оставаясь сидеть на скрипучей банкетке у фортепиано.

Прохор шагнул в класс. Сквозняк от старых советских окон мгновенно затерялся в запахе морозной улицы и плотного кашемира его пальто. Он заполнил собой все пространство. Мой бывший муж Стас всегда пытался казаться больше за счет суеты, размахивания руками и громкого голоса. Стас был фасадным гипсокартоном, за которым пряталась обычная пустота. Мужчина, стоявший сейчас передо мной, был несущей стеной. Опорной балкой. Тяжелый взгляд глаз цвета крепкого, передержанного чая. Крупные кисти рук. Коротко стриженные, чистые ногти - никакого глянцевого салонного маникюра, которым так кичился мой бывший.

Желудок свело болезненным, острым спазмом. Растворимый кофе и хрустящий багет остались на кассе супермаркета два часа назад. Мой банковский счет светился идеальными нулями. Стас перекрыл мне кислород, уверенный, что без его денег я задохнусь к обеду. Но голод только обострял мои инстинкты. Холодный адреналин оказался куда питательнее углеводов.

- Давайте без прелюдий, - Прохор остановился в метре от инструмента. - У меня нет времени на педагогические расшаркивания. Я плачу двойной тариф из своего фонда. Мне не нужны ваши отчеты о ее поведении, мне не интересны ее капризы. Мне нужен результат. Через месяц зимний экзамен, и она должна его сдать, чтобы закрыть этот вопрос. Если она треплет вам нервы - терпите, это входит в стоимость. Вопросы есть?

"Удобная Лера" из прошлой жизни сейчас бы суетливо закивала, поправляя растянутый ворот бежевого кардигана. Пробормотала бы "конечно, мы всё сделаем, не извольте беспокоиться". Но удобная Лера умерла на керамогранитном полу прихожей, разглядывая чужие белые сапоги.

Я протянула руку к деревянному пюпитру. Мои замерзшие пальцы легли на толстый черный маркер - тот самый, который я достала из сумки пару минут назад, и которым вчера выводила приговор голому мужу на балконном стекле. Я покрутила его, чувствуя гладкий пластик, а затем с сухим, резким стуком опустила обратно на разохшееся дерево фортепиано.

Звук заставил Соню вскинуть голову.

- Вопросы есть, - мой голос прозвучал так же холодно, как гуляющий по классу ноябрьский сквозняк. - Вы строитель, Прохор... простите, не знаю вашего отчества.

- Андреевич, - глухо отозвался он, слегка прищурившись.

- Так вот, Прохор Андреевич. Музыка - это архитектура. Абсолютно точная наука. Если вы заложите в проект кривой фундамент, ваше здание рухнет при первом же порыве ветра,

сколько бы миллионов вы в него ни влили. Я - прораб на этом объекте. Я закладываю фундамент. А вы сейчас врываетесь на стройплощадку и пытаетесь командовать процессом, не понимая разницы между басовым ключом и несущей балкой.

Лицо Сёмина едва заметно напряглось. Кажется, с ним давно никто не разговаривал в таком тоне. Тем более женщины в выцветших, дешевых кофтах, работающие на бюджетной ставке.

- Двойной тариф покупает мое время и мои знания, - чеканила я каждое слово, глядя прямо в его темные глаза. - Но он не дает вам права диктовать мне условия. Если я говорю, что мы будем играть гаммы - мы играем гаммы. Если она треплет мне нервы - яставляю ее за дверь, а не терплю. Я не обслуживающий персонал, Прохор Андреевич. Я тот человек, который может спасти ваш провальный проект. Либо вы прямо сейчас выходите за эту дерматиновую дверь и не мешаете мне работать, либо мы идем к директору и отменяем ваши инвестиции.

Я замолчала. Не отвела взгляд. Не моргнула. Мой внутренний лед был прочнее его бетона.

В классе повисла тяжелая, плотная, почти осязаемая тишина. Казалось, молекулы пыли замерли в воздухе. Соня перестала жевать свою жвачку. Ее челюсть слегка отвисла. Она переводила ошарашенный взгляд с моего непроницаемого лица на монументальную фигуру своего отца.

Прохор Сёмин молчал. Его взгляд прошелся по моему лицу, задержался на прямой спине, скользнул по старенькому инструменту. Он не вспыхнул яростью, как это сделал бы мой бывший муж. Нарциссы взрываются, когда им перечат. Настоящие мужчины анализируют расстановку сил.

В его глазах мелькнуло что-то похожее на холодное уважение. Искра профессионального интереса.

- Принято, - коротко, без малейшей издевки произнес он. Уголок его губ едва заметно дрогнул. - Инструмент ваш, Валерия Викторовна.

Он развернулся с грацией тяжелого крейсера. Равномерные шаги прозвучали по паркету, и дверь за ним закрылась. Мягко. Надежно. С глухим щелчком, который отрезал нас от школьного коридора. Никаких истеричных хлопков.

Мы остались вдвоем. Соня скрестила руки на груди, нахохлившись, как воробей на морозе.

- Если вы думаете, что я сейчас проникнусь к вам уважением и начну играть Баха, то вы ошибаетесь, - буркнула она, глядя исподлобья. Голос у нее был ломкий, прокуренный и отчаянно одинокий.

- А я не собираюсь заставлять тебя играть Баха, - я хлопнула ладонью по полированной крышке "Красного Октября". Пыль золотистым облачком взмыла в луч тусклого света. - Твой отец ушел. Можешь выключать режим политической заложницы. Ненавидишь классику? Прекрасно. Я сегодня с утра ненавижу весь мужской пол, глянецовую плитку и пустой холодильник. Так что мы с тобой в одной лодке диссонанса. Садись.

Она недоверчиво хмыкнула, но подошла ближе. Стянула с шеи наушники, бросила их на стул.

- Садись, я сказала, - я подвинулась на банкетке, освобождая ей место. - Что у тебя там играло? В наушниках.

Соня плюхнулась рядом. От нее пахло мятной жвачкой и дешевым энергетиком.

- "Нирвана". "Smells Like Teen Spirit", - с вызовом ответила она. - Вы такое не знаете. У вас тут одни фуги и этюды.

Я усмехнулась. Мои губы дрогнули в сухой, мертвой улыбке.

- Курт Кобейн. Тысяча девятьсот девяносто первый год. Фа минор, си-бемоль минор, соль-диез мажор, до-диез мажор.

Я занесла руки над пожелтевшими клавишами. Мои пальцы, привыкшие механически выстукивать унылые академические ритмы, внезапно обрели невероятную свободу. Я ударила по клавишам с силой, вбивая в старый инструмент всю ту ярость, которая скопилась во мне за последние сутки.

Агрессивный, грязный гранж зазвучал на расстроенном советском пианино так, словно оно было рождено для этой музыки. Тяжелые басовые ноты дрожали в холодном воздухе. Я играла жестко, не жалея пальцев, чеканя ритм, который Кобейн когда-то выжимал из своей гитары. Мой бежевый кардиган съехал с плеча, но мне было абсолютно плевать. Я играла свою злость на Стаса, на его белые сапоги в моей прихожей, на заблокированные карты и на двадцать лет фальшивой, правильной жизни.

Я оборвала аккорд так же резко, как начала. В классе повис звенящий гул струн. Соня смотрела на меня широко раскрытыми глазами. Ее напускной цинизм сдулся, как проколотый воздушный шарик.

- Охренеть... - выдохнула она, забыв про субординацию. - Как вы это сделали?

- Это не магия, Соня. Это математика, - мой голос снова стал ровным и отстраненным. - Любая музыка - это просто код. Твой великий бунт - это всего четыре аккорда, сыгранные в правильном ритме. Ноты не придумывали для того, чтобы мучить тебя на экзаменах. Их придумали, чтобы ты могла взять и выорать свою боль так, чтобы ее услышали другие. Если ты не знаешь кода, ты просто немая рыба, бьющаяся об лед.

Я пододвинула к ней нотную тетрадь.

- У тебя есть месяц до зимнего экзамена. Если ты выучишь базу, я покажу тебе, как разложить на клавиши любую песню из твоего плейлиста. Мы сдадим твоему отцу этот проклятый академический минимум, а потом ты сможешь играть свой гранж так, что стены будут дрожать. Договорились?

Девочка прикусила губу. В ее глазах больше не было протеста - там появилось жадное, живое любопытство.

- А вы научите меня играть "Rammstein"?

- Если ты перестанешь сутулиться за инструментом - научу, - я достала из пенала ручку. - Положи руки на клавиши. Правильная постановка кисти - это фундамент. Помнишь, что я сказала твоему отцу про архитектуру? Поехали. До мажор.

Мы работали сорок пять минут без единой паузы. Время в классе номер четырнадцать всегда текло по своим, тягучим законам, но сегодня метроном сорвался с цепи.

Я заставляла ее повторять аппликатуру снова и снова. Соня злилась, пыхла, стирала пот со лба рукавом черной толстовки, но не огрызалась. Впервые за долгие месяцы я видела перед собой не избалованную дочь богатого спонсора, а обычного, растерянного подростка. Ей просто нужен был кто-то, кто не станет с ней сюсюкать или давить авторитетом.

Мой внутренний хирург методично препарировал каждый ее неверный звук, заставляя исправлять ошибки. В этом процессе было что-то глубоко терапевтическое. Выправляя чужие фальшивые ноты, я словно заново настраивала саму себя. Зачищала контакты. Возвращала своей собственной жизни утраченное звучание.

- Пальцы круглые, Соня. Представь, что держишь в ладони яблоко, - командовала я, физически ощущая, как от холодного воздуха у меня немеют кончики пальцев. Чугунные батареи в старом крыле школы грели так же эффективно, как извинения моего бывшего мужа. То есть никак.

- У меня уже кисть сводит, Валерия Викторовна, - простонала девочка, сбрасывая руки с клавиатуры на колени. - Мы долбим этот кусок уже двадцать минут.

- Значит, будем долбить еще двадцать, пока мышечная память не запишет алгоритм на подкорку. Ты же хочешь играть металл? Там темп в два раза выше. Если сейчас сломаешься на простейшем переходе, на сложных соло твои пальцы просто завяжутся в узел.

Она тяжело вздохнула, но послушно вернула руки на пожелтевшие клавиши.

Я смотрела на ее профиль. Упрямый подбородок, чуть вздернутый нос. В ней проступали черты отца. Та же тяжелая, неподатливая гранитная основа. Прохор Сёмин воспитывал ее один - я знала об этом из школьных сплетен, которые Маргарита Павловна любила перемывать за ромашковым чаем в учительской. Ей просто не хватало акустики, в которой ее бы слышали.

- Стоп, - я накрыла ее холодные пальцы своей ладонью. - Ты торопишься. Ритм съехал. Слышишь?

- Я не слышу разницы, - огрызнулась она, убирая руки.

- Потому что ты не слушаешь инструмент. Ты слушаешь свое раздражение, - я снова взяла маркер. Нарисовала на полях нотной тетради крупный, жирный крест. - Твоя проблема в том, что ты пытаешься проскочить сложные моменты на скорости, надеясь, что никто не заметит фальши. Так нельзя. В музыке, как и в жизни, если ты сфальшивила в начале такта, к концу мелодии всё превратится в грязь. Придется остановиться, признать ошибку и начать заново. В правильном темпе.

Я произнесла это для нее, но слова ударили рикошетом по мне самой.

Двадцать лет я пыталась проскочить сложные моменты в браке со Стасом на скорости. Я замазывала его эгоизм своим терпением, глушила его равнодушие своей заботой, наивно полагая, что никто не заметит фальши. Я терпела его истерики из-за неидеально отглаженных рубашек, его презрение к моей профессии. Я поддерживала его картонный фасад успешного менеджера ценой собственного лица. И к концу нашего семейного такта всё превратилось в грязную, унижительную сцену на балконе.

Теперь мне предстояло начать заново. С чистого листа. С идеально ровной спиной и правильным, безжалостным ритмом.

Когда в коридоре прозвенел пронзительный, дребезжащий звонок, возвещающий об окончании урока, мы обе синхронно выдохнули.

- На сегодня всё, - я закрыла нотную тетрадь. - Дома отрабатываешь аппликатуру. Если в четверг придешь с невыученным куском, я заставлю тебя играть собачий вальс целый час. Поняла?

Соня сгребла наушники со стула. Она выглядела уставшей, но в ее движениях больше не было той демонстративной, колючей тяжести, с которой она переступила порог моего класса.

- Поняла. До свидания, Валерия Викторовна.

Она почти дошла до двери, когда вдруг обернулась.

- А вы круто играете. Я думала, вы... ну, обычная. Из этих, кому лишь бы отчитаться.

- Я не обычная, Соня. Я просто очень долго спала, - спокойно ответила я.

Дверь за ней закрылась.

Я осталась одна в пустом, выстуженном помещении. Адреналин, державший меня в тонусе последний час, начал стремительно падать. На его место немедленно вернулась звенящая, сосущая пустота в желудке. Мой организм настойчиво требовал калорий, которых у меня просто не было.

Я подошла к стулу. Стянула с него свой старый, тяжелый пуховик и накинула поверх бежевого кардигана. Пальцы плохо слушались, пока я пыталась застегнуть тугую пластиковую молнию.

Впереди у меня был долгий вечер в ледяной квартире с затянутым пленкой окном. У меня не было денег на адвоката, не было денег на еду, и мой законный муж прямо сейчас, скорее всего, строил планы по моему уничтожению. Я закинула сумку с нотами на плечо.

Первый бой за собственную независимость был выигран в стенах этого пыльного класса. Я доказала себе, что мой внутренний каркас способен выдержать давление монолита вроде Прохора Сёмина. Но теперь мне предстояло выйти из школы. На пронизывающий, безжалостный ноябрьский ветер. И я даже не догадывалась, кто именно будет ждать меня у обледелых ворот.

Глава 7. Подворотня и позвоночник

У абсолютного нуля на банковской карте есть свой специфический привкус. Он похож на вкус железа во рту, когда ты слишком долго бежишь на морозе и начинаешь задыхаться.

Желудок сводило от болезненного, сосущего спазма. Растворимый кофе и хрустящий багет так и остались лежать на кассе элитного супермаркета в моей прошлой, утренней жизни. Мой организм, потративший последние крохи энергии на педагогическую дрессировку строптивой дочери строительного магната, сейчас настойчиво требовал топлива. Желательно горячего и калорийного. Но вместо этого мне предстояло глотать ледяной ноябрьский ветер.

Я шла по длинному коридору музыкальной школы, чувствуя, как в кончиках пальцев все еще отдается легкая вибрация старых пожелтевших клавиш. Мой личный склеп несбывшихся симфоний постепенно пустел. За деревянными дверями классов стихали звуки замученных скрипок и расстроенных баянов.

Толкнув плечом тяжелую входную дверь, обитую коричневым дерматином, я шагнула на крыльцо. Скрип пружины отрезал от меня привычный запах канифоли и пыльной бумаги, выталкивая в безжалостную реальность свинцового осеннего вечера.

Ступеньки уже успели покрыться тонкой, предательской коркой льда, присыпанной редкой снежной крупой. Я поглубже засунула замерзшие руки в карманы старого пуховика, небрежно накинутого прямо поверх моего вытянутого бежевого кардигана. Кожаная сумка с нотными тетрадами тяжело оттягивала правое плечо, заставляя меня инстинктивно сутулиться.

У чугунных школьных ворот, там, где свет единственного уличного фонаря выхватывал из темноты кусок слякотного тротуара, стояла темная фигура.

Человек отделился от облупленной кирпичной кладки забора и молча преградил мне путь.

В дешевых женских романах в этот момент героиня должна была бы задохнуться от ужаса перед зловещим, непобедимым преследователем. Но мой преследователь зловещим не выглядел. Он выглядел как бракованная, дешевая деталь, которую забыли выкинуть на свалку.

Это был Стас.

На его плечи был криво наброшен помятый темно-синий брендовый пиджак, который он, очевидно, вытащил из того самого мусорного мешка. Под тонкой шерстью пиджака виднелась кашемировая водолазка, покрытая жесткой коркой засохшей земли от разбитого горшка с фикусом. На левой штанине его некогда безупречных итальянских брюк зияла рваная дыра, края которой намертво пропитались бурой, запекшейся кровью. Он так и не нашел чистых носков, поэтому его голые лодыжки, торчащие над дорогими кожаными туфлями, имели отчетливый, нездоровый синюшный оттенок.

От него густо пахло сыростью, нестираной одеждой, дешевым табаком и застарелой, липкой паникой.

- Думала, спрячешься от меня в своей бюджетной богадельне? - хрипло начал он, переступая с ноги на ногу прямо в серой слякоти.

Его голос попытался взять привычную начальственную, властную ноту, но на морозе сорвался, дав жалкого, дребезжащего петуха.

Мое тело отреагировало быстрее мозга. Мышечная память - страшная и въедливая вещь. Двадцать лет я рефлексивно вжимала голову в плечи, когда мой муж был чем-то недоволен. Двадцать лет я боялась не угодить, пересолить ужин, не так погладить воротничок его рубашки, нарушить его покой. И сейчас мои колени предательски задрожали под тканью плотных черных колготок. Сердце сделало болезненный кулбит, тяжело ударившись о ребра.

Но этот животный страх жил только в теле. Мой разум, замороженный вчерашним сквозняком на французском балконе, оставался кристально ясным и хирургически точным. Я смотрела на него не как испуганная, виноватая жена. Я смотрела на него как оценщик в ломбарде, который внезапно понял, что принесенный ему массивный слиток - это пустышка из фольги и картона, не стоящая ни копейки.

- Давай сюда ключи от квартиры, - Стас сделал агрессивный шаг навстречу. Снежная каша мерзко чавкнула под подошвами его туфель. - Живо. Иначе я прямо сейчас еду в полицию и пишу заявление, что ты украла мои личные вещи и документы.

Я молчала. Я просто разглядывала лопнувший красный капилляр в его правом глазу и пульсирующую вену на виске.

Мое абсолютное спокойствие взбесило его еще больше. Нарциссы питаются нашими эмоциями. Им физически необходимы чужие слезы, крики, суетливые оправдания, даже ненависть. Тишина для них - это вакуум, в котором они мгновенно начинают задыхаться от собственной ничтожности.

- Ты что, онемела?! - он дернулся всем телом, брызгая слюной. - Ты вообще соображаешь своей пустой головой, что ты натворила? Карты я заблокировал. Страховку твою отменил. Ты теперь никто, Лера. Сорокалетняя училка с пустым кошельком, которой даже за свет заплатить нечем. Ты думаешь, кому-то нужны твои дурацкие пиликанья на пианино? Да ты сдохнешь с голоду к концу недели!

Он тяжело, со свистом втянул носом ледяной воздух, распаяв сам себя.

- Я найму лучших адвокатов в этом городе! - продолжал орать он, размахивая руками. - Я докажу, что у тебя поехала крыша на фоне раннего климакса! Тебя вышвырнут из этой квартиры с голым задом, как ты меня вчера...

Он резко осекся, напомнив самому себе о собственном унижении. Его глаза затравленно забегали по сторонам, проверяя, не слышит ли кто-нибудь из редких прохожих историю его ночного позора.

Моя нервная дрожь в коленях чудесным образом прекратилась. Вдоль позвоночника словно залили холодный, быстротвердеющий архитектурный бетон. Страх растворился, уступив место пугающему, звенящему безразличию.

- Твоя проблема, Стас, - мой голос прозвучал так тихо и обыденно, что ему пришлось замолчать и напряженно прислушаться, - в том, что ты даже угрожать грамотно не умеешь.

Он часто моргнул, сбитый с толку резкой сменой тональности.

- Что ты несешь, ненормальная?

- Глагол "извинишься" пишется через букву "и" во втором слове. И с мягким знаком на конце, - я произносила слова медленно, чеканя каждый слог, словно диктовала правило отстающему ученику. - А "убереешь" - с мягким знаком после шипящей. Я сегодня утром читала твое истеричное сообщение и думала только об одном. Как я могла двадцать лет своей жизни обслуживать человека, который пишет как двоечник из пятого класса коррекционной школы?

Стас приоткрыл рот, обнажив дорогие керамические виниры, но не издал ни звука. Его землистое, помятое лицо начало стремительно наливаться дурной, багровой краской.

- Твоя финансовая удавка не сработала, котик, - я чуть склонила голову набок, с наслаждением препарируя его взглядом. Я намеренно использовала то самое слово, которым вчера пищала его молоденькая любовница. Стас вздрогнул, как от удара током. - Я не умерла от голода за полдня. Я не приползла к тебе на коленях умолять о прощении за разбитое стекло. А вот ты...

Я выразительно опустила глаза на его изуродованные грязью и кровью брюки, а затем снова посмотрела ему в лицо.

- Ты стоишь передо мной в грязных, рваных штанах, от тебя разит сыростью дешевой ночлежки, и ты трясешься от холода на босу ногу. Ты ведь даже изменить достойно не смог.

Притащил какую-то безмозглую пластиковую флейту на мой чистый матрас, а потом бегал от нее по балкону, пытаясь прикрыть свой зад моим фикусом. Скажи честно, Стас, тебе самому сейчас не смешно от того, каким клоуном ты стал?

- Заткнись! - взревел он дурным, сорванным голосом.

Его картонный фасад окончательно рухнул. Лоск уважаемого руководителя, который он с таким манияльным трудом поддерживал все эти годы, слез с него, как дешевая краска после кислотного дождя. Передо мной стоял обычный, загнанный в угол, истеричный неудачник, внезапно лишенный своих привычных, уютных рычагов психологического давления.

Он окончательно потерял контроль.

Его правая рука резко дернулась вверх. Он замахнулся широким, некрасивым, грязным движением, целясь мне открытой ладонью прямо по лицу.

Инстинкт самосохранения должен был заставить меня зажмуриться. Отшатнуться назад. Поднять руки в защитном жесте, выронив тяжелую сумку в снег. Я делала так раньше, когда он в редких приступах ярости швырял тарелки на кухне или с силой бил кулаком в стену рядом с моей головой, доказывая свою правоту.

Но сейчас я не шевельнулась. Я не дрогнула ни единым мускулом.

Я чуть вздернула подбородок, хладнокровно подставляя лицо под ледяной ветер и его гипотетический удар. Мои глаза оставались широко открытыми. Абсолютно мертвыми, стеклянными и пустыми. В них не было ни капли страха или покорности. Только кристально чистая, пугающе спокойная ярость женщины, которую годами недооценивали, и которой теперь совершенно нечего терять.

В этот застывший момент времени я физически была готова к тому, что если он посмеет коснуться меня хотя бы пальцем, я не буду плакать или звать на помощь. Я вцеплюсь ему в горло зубами. Я разорву его в клочья прямо здесь, у чугунных ворот, в этой грязной ноябрьской слякоти.

Он прочитал это в моем взгляде. Абсолютную, безумную готовность идти до конца.

Занесенная для удара рука дрогнула. Зависла в воздухе в жалких пятнадцати сантиметрах от моей щеки.

Стас на полном ходу столкнулся с невидимой, бетонной стеной моего нового характера и расшибся о нее в лепешку. Он тяжело, со свистом дышал, выпуская изо рта белесые облачка пара. Его зрачки были расширены от первобытного, животного ужаса. Он вдруг понял, что удобной, мягкой бежевой обивки больше не существует. Перед ним стоял стальной капкан с острыми зубьями, который уже захлопнулся на его шее.

Его рука медленно, трусливо опустилась вдоль туловища. Пальцы жалко сжались в кулак и тут же разжались.

- Ты больная... - пробормотал он, нервно сглотнув. В его сорванном голосе больше не было агрессии или угрозы. Там плескался только неподдельный, жалкий страх перед неизвестностью. - Ты реально сумасшедшая. Тебя лечить надо.

- Развод будет очень жестким, Стас, - ровно и тихо сказала я, не меняя позы. - Советую тебе купить новые брюки. В этих грязных тряпках тебя даже на порог суда не пустят.

Он отступил на шаг, словно обжегшись о мой голос. Споткнулся о неровность обледенелого асфальта, едва не потеряв равновесие. Тихо, грязно выругался сквозь зубы, глядя себе под ноги. А затем резко развернулся и быстро, почти бегом, подволакивая левую ногу с запекшейся кровью, зашагал прочь.

Он стремительно уходил в спасительную, густую темноту подворотни между старыми домами. Его сутулая фигура в нелепом, помятом пиджаке сливалась с унылым серым пейзажем так же быстро, как грязная талая вода уходит в решетку уличного стока.

Я осталась стоять у закрытых ворот совершенно одна.

Как только спина моего бывшего мужа скрылась за углом кирпичного здания, титановый стержень внутри моего позвоночника исчез. Он просто растворился без остатка, оставив после себя только живую, невероятно уставшую и продрогшую до костей женщину.

Химический коктейль из адреналина и холодного гнева начал стремительно покидать мою кровь. Жестокий, беспощадный физиологический откат накрыл меня с головой.

Меня затрясло. Мелко, противно, абсолютно неконтролируемо. Зубы начали выбивать частую дробь, а колени снова стали мягкими и ватными, грозя подкоситься в любую секунду. Это был не страх перед Стасом. Угроза миновала. Это был глубокий, экзистенциальный шок от самой себя. От того, что я только что своими руками задушила в себе вечную, удобную жертву.

Дрожащими, непослушными пальцами я потянула за собачку на сумке. Она поддалась только с третьего раза. Я судорожно вытащила телефон. Я трижды промахнулась по холодному стеклу экрана, прежде чем смогла разблокировать аппарат и нажать на нужный контакт в списке избранного.

Гудки в динамике шли бесконечно долго, смешиваясь с воем ветра в проводах над головой.

- Ленка... - глухо выдохнула я, когда на том конце наконец раздалось бодрое, громкое "алло". Мой голос срывался на каждом слове. - Лен, мне срочно нужно укрытие.

- Где ты? - мгновенно подобралась подруга. Весь ее легкомысленный тон испарился за секунду, она безошибочно считала мое критическое состояние. - Этот лохотонный урод объявлялся? Пытался качать права?

- Да. Подкараулил у школы. Лен, мне нужно к тебе. Прямо сейчас.

Я опустила глаза и посмотрела на рукав своего старого, растянутого бежевого кардигана, выглядывающего из-под черного пуховика. Внезапно эта привычная, мягкая, немаркая вещь показалась мне удушающей смирительной рубашкой. Мерзкой, липкой паутиной, сотканной из моих многолетних уступок, страхов и компромиссов. Вещью, к которой только что пытался прикоснуться человек, вытерший ноги о мою жизнь. Мне стало физически дурно от одного этого цвета.

- Прыгай в автобус и едь ко мне в салон, - скомандовала Лена тоном боевого генерала перед решающим наступлением. - Я отменю последнюю клиентку на стрижку. Закрою двери. Жду тебя, дорогая. Держись.

Я молча сбросила вызов и сунула ледяной телефон обратно в глубокий карман пуховика.

Звук моих шагов по тонкому, хрустящему льду тротуара больше не был робким, извиняющимся шелестом удобной жены, которая боится разбудить мужа. Это был четкий, выверенный, жесткий ритм. Мой личный метроном отсчитывал совершенно новое время, пока я уверенно шла к автобусной остановке.

Глава 8. Леопардовая терапия

Адреналин - это самый дешевый и агрессивный химический растворитель в организме. Он начисто вымывает из крови липкий животный страх, но оставляет после себя звенящую, тошнотворную пустоту в желудке.

Пока старый муниципальный автобус вез меня от музыкальной школы к центру города, меня трясло. Я сидела на жестком пластиковом сиденье, прижавшись лбом к дребезжащему, покрытому ледяной коркой стеклу, и смотрела на свое размытое отражение. Там, в темноте за окном, проносились фонари, а я физически ощущала, как внутри меня оседает пыль после крушения огромного двадцатилетнего здания. Мой муж только что пытался меня ударить. И впервые в жизни я не зажмурилась.

Когда я ввалилась в ярко освещенный холл салона красоты, мои колени под плотными черными колготками всё еще были ватными. Стеклопанельная дверь тяжело закрылась за моей спиной, отрезая ледяной ноябрьский ветер и воспоминания о грязных туфлях Стаса, топчущих снежную кашу у школьных ворот.

Лена стояла у стойки ресепшена. На ней была шелковая блузка с леопардовым принтом, который она носила с грацией главнокомандующего танковой дивизией. Подруге не понадобилось ни единого слова, чтобы оценить масштаб моего бедствия. Она бросила быстрый, сканирующий взгляд на мое белое лицо, решительно перевернула пластиковую табличку на двери надписью "Закрыто" наружу и провернула ключ в замке. Два оборота. Бункер запечатан.

- Сюда иди, - скомандовала она, утаскивая меня за локоть в крошечную подсобку для персонала.

Здесь пахло не старой паркетной мастикой и едкой канифолью, как в моем музыкальном склепе. Здесь густо, плотно пахло озоном от работающих фенов, фруктовым шампунем, сладким кофе и дорогим лаком для волос. Запах кузни, в которой каждый день методично и безжалостно куют женскую броню.

Лена усадила меня на продавленный кожаный диванчик. Стянула с моих плеч тяжелый пуховик и всунула в замерзшие ладони огромную керамическую кружку. Жидкость внутри была обжигающе горячей, черной и пахла так резко, что у меня моментально заслезились глаза.

- Пей. Я туда щедро плеснула армянского коньяка. Полторы столовые ложки, рецепт от всех скорбей, - Лена села напротив, скрестив длинные ноги. - Рассказывай. Только без соплей. Сопли катастрофически портят цвет лица, а у тебя и так вид, будто ты неделю спала в тепло-трассе.

Я сделала судорожный глоток. Сладкий, крепкий чай с алкоголем скользнул по пищеводе, и физиологический голод, который безжалостно грыз меня с самого утра после позорного отказа на кассе супермаркета, начал медленно сворачиваться в клубок. Тепло толчками разбегалось по венам, размораживая спазмированные мышцы спины.

Я рассказала ей всё. Про заблокированные Стасом счета. Про пустой холодильник и растворимый кофе, оставшийся на кассе. Про тяжелый, как гранитная несущая плита, взгляд Прохора Сёмина на уроке. И про сутулую фигуру бывшего мужа, замахивающегося на меня в темной подворотне. Мой голос звучал глухо и монотонно, как сорванный метроном.

Лена дослушала в абсолютном молчании. Она не стала охать, прижимать наманикюренные руки к щекам или картинно жалеть меня. В этом и была ее главная, железобетонная ценность.

- Знаешь, Лера, - Лена поднялась, ее леопардовая блузка хищно блеснула в свете люминесцентной лампы. - Мужчины - это как дешевый лак для ногтей. Вроде покрасишь - блестит, красиво, подругам показать не стыдно. Сохнет, правда, долго, нервов требует вагон. А облезает

в первый же день от малейшей царапины. Твой Стас облез окончательно, до самого мяса. Пора снимать бракованную базу. Поднимайся.

Она вывела меня в пустой, сияющий зеркалами зал. Усадила в высокое парикмахерское кресло, которое мягко скрипнуло под моим весом, и туго затянула на моей шее плотный черный пеньюар.

Я посмотрела на свое лицо в огромном зеркале. Уставшая сорокалетняя женщина с провалившимися глазами. Тусклые русые волосы, годами стянутые в удобный, невероятно практичный мышинный хвост на затылке. Я носила эту унылую прическу, потому что она не требовала укладки по утрам. Стас терпеть не мог, когда я занимала ванную дольше пятнадцати минут, ведь ему нужно было укладывать свою шевелюру матирующим гелем.

- Что будем делать? - спросила я, глядя, как Лена грубовато распускает мою растянутую резинку.

- Экстренную хирургию, - подруга взяла с металлической тележки тяжелые профессиональные ножницы из сверкающей стали. - Смыть мужчину нужно вместе с волосами, которые еще помнят его руки.

Лена не стала делить волосы на зоны. Не стала брызгать их водой из пульверизатора или жалостливо примеряться. Она просто захватила мой тусклый хвост пальцами у самого основания шеи и с силой, одним безжалостным махом сомкнула лезвия.

Вжик.

Звук режущей стали прозвучал в тихом зале как щелчок перерезанного провода. Я невольно моргнула. На белый керамогранит пола с мягким, мертвым шорохом упала толстая серая прядь. Мне вдруг показалось, что это срезали не волосы. Это на пол упали куски толстого акустического поролона, которым я целых двадцать лет старательно глушила собственный голос, чтобы не мешать мужу солировать в нашей квартире.

Следующие полчаса Лена порхала вокруг меня, как обезумевший, гениальный дирижер. Ножницы щелкали над самым ухом, задавая новый, жесткий стаккато-ритм моей жизни. Я видела, как в амальгаме зеркала исчезает удобная, забитая жена. Острая, дерзкая асимметричная стрижка внезапно открыла мою длинную шею. Четкий, графичный срез короткого каре подчеркнул упрямую линию челюсти, о существовании которой я давно забыла.

Когда Лена сдула мощным феном последние мелкие волоски с моего лица, я не узнала женщину в кресле. Она выглядела колючей. Неудобной. Опасной.

- Отлично, - Лена стянула с меня пеньюар, вытряхивая остатки моего прошлого на пол. - Фундамент мы зачистили. Теперь меняем фасад. Надевай куртку, мы идем в торговый центр.

Элитный торговый центр находился в соседнем здании. Мы вышли на морозную улицу. Я по старой, въевшейся в подкорку привычке попыталась глубже зарыться подбородком в воротник своего старого бежевого кардигана, который уродливо торчал из-под расстегнутого пуховика.

Прямо перед сияющими стеклянными автоматическими дверями ТЦ Лена резко затормозила. Она указала длинным ногтем на массивную металлическую урну, стоящую у самого входа.

- Снимай.

- Что? - не поняла я, ежась от пронизывающего ноябрьского ветра.

- Пуховик расстегни и снимай эту бежевую хламиду. Живо.

Я посмотрела на урну. На ее решетчатом дне валялись окурки, грязные чеки и пустые картонные стаканчики из-под кофе. Мой мозг, привыкший к тотальной экономии, немедленно

взбунтовался. Эта кофта была теплой. Она скрывала пятна и идеально сливалась с любыми обоями.

- Лен, я замерзну. У меня под ней только тонкая рабочая водолазка, - мой голос предательски дрогнул.

- Лера, - тон подруги стал тяжелым и плотным, как архитектурный бетон. - Пока ты носишь на себе цвет половой тряпки, об тебя будут продолжать вытирать ноги. Снимай. Это приказ.

Я медленно стянула пуховик с одного плеча. Пальцы, лишённые чувствительности от холода, непослушно потянули за мелкие пуговицы кардигана. Ткань неохотно поддалась. Я стянула с себя эту мягкую, бесформенную вещь. И внезапно испытала к ней такой приступ острой, удушающей брезгливости, словно держала в голых руках дохлую мышь.

Я разжала пальцы.

Мой двадцатилетний компромисс полетел вниз. Он идеально, гармонично лег прямо поверх грязного кофейного стаканчика. Абсолютное слияние с мусорным фоном. Я накинула пуховик обратно на тонкую водолазку. Ветер немедленно забрался под куртку, кусая кожу ледяными зубами. Мне было зверски холодно, но грудная клетка вдруг расправилась так широко, что стало физически больно дышать.

Мы вошли в теплое, залитое мягким светом пространство бутиков. Лена тащила меня за собой, презрительно игнорируя витрины с привычными пастельными, немаркими тонами. Она уверенно зашла в дорогой магазин с приглушенным освещением, прошла вдоль кронштейнов и сняла с металлической вешалки одно-единственное платье.

Оно было глубокого, насыщенного винного цвета. Цвета густой венозной крови. Тяжелая, плотная ткань, жесткий архитектурный крой. Никаких дешевых рюшей, никаких легкомысленных декольте. Строгая, закрытая геометрия, которая не просила внимания, а требовала беспрекословного подчинения.

- В примерочную, - Лена впихнула тяжелую вешалку мне в руки. - И не смей смотреть на ценник до кассы.

Я закрыла за собой тяжелую бархатную штору. Стянула рабочие джинсы и водолазку. Ткань платья легла на плечи прохладным, тяжелым грузом. Я застегнула длинную скрытую молнию на спине. Вытачки на талии сработали как стальные несущие балки, мгновенно выстраивая идеальный, жесткий силуэт. Я посмотрела на себя в зеркало и перестала дышать.

Конечно, я все еще оставалась в своих плотных черных колготках. Но даже контраст роскошного винного шелка и моих грубых осенних ботинок без каблука, валяющихся на коврике, не мог испортить картину. Оттуда на меня смотрела женщина, с которой ни один нормальный человек не рискнул бы заговорить в тоне приказа.

Я вышла из примерочной прямо так, неся свои старые вещи в охапке. Лена присвистнула сквозь зубы.

- Беру, - коротко сказала я, глядя в глаза подруге.

Я подошла к кассе. Молодая девушка-консультант с дежурной, вышколенной улыбкой пробила штрих-код.

- Двадцать восемь тысяч четыреста рублей. Оплата картой?

Сумма ударила меня под дых. Это была почти вся моя месячная зарплата в музыкальной школе. Мой мозг, годами выкраивавший копейки на продукты по акции, закричал от первобытного ужаса. Мои карты заблокированы Стасом. У меня нет денег даже на батон хлеба.

- Наличные, - мой голос прозвучал ровно, без единой фальшивой ноты.

Я поставила на стеклянный прилавок свою тяжелую, потертую кожаную сумку с нотами. Ту самую, с которой таскалась на работу годами. Открыла металлическую молнию. Засунула

руку глубоко внутрь, нащупывая плотный шов подкладки на самом дне. Я вцепилась в ткань пальцами и с силой дернула. Дешевые нитки затрещали и лопнули.

Мои пальцы извлекли на свет тугую пачку купюр. Мой тайный неприкосновенный запас. Деньги от редких частных уроков, которые я годами кропотливо прятала от Стаса, интуитивно понимая, что в нашем идеальном, выверенном браке мне нужен хотя бы один кислородный баллон на случай аварии.

Лена, стоявшая рядом, попыталась достать свой кожаный кошелек.

- Лер, давай я...

- Нет, - я жестко перехватила ее запястье. - Эту броню я куплю сама.

Я отсчитала нужную сумму хрустящими, пахнущими старой кожей и нотной пылью купюрами. У меня осталась жалкая горстка денег на автобус и пару пакетов дешевой крупы. Но мне было абсолютно плевать.

Я не стала переодеваться. Я просто накинула свой старый пуховик прямо поверх винного шелка, сунула ноги в осенние ботинки и вышла из бутика.

Остановившись в коридоре торгового центра напротив огромного панорамного окна, я посмотрела на свое нечеткое отражение в темном стекле. Я ждала, что расплачусь. Ждала, что меня накроет паника из-за потраченной заначки и пугающей, зияющей неизвестности завтрашнего дня.

Но горьких слез не было. Мой внутренний хирург наконец-то закончил операцию по удалению доброкачественной опухоли под названием "покорность".

Удобная, бежевая Лера Лобова окончательно умерла от переохлаждения в мусорной урне. Женщина, смотревшая на меня из стекла, была сделана из монолитного куска льда. Она была вооружена, зла и готова резать. И она абсолютно точно знала, с кого именно начнет.

Глава 9. Чистый код

Мой телефон задрожал в глубоком кармане старого пуховика ровно в тот момент, когда я переступила порог своей выстуженной квартиры.

Я даже не успела разуться. Подошвы плоских осенних ботинок с неприятным, сухим хрустом прошли по мелкой стеклянной крошке, которую я так и не смела с глянцевого керамогранита со вчерашней ночи. В квартире стоял пронизывающий ноябрьский холод. Приторный запах сандалового диффузора и дешевого ванильного вейпа Мирославы давно выветрился сквозь выбитое балконное окно, заклеенное теперь куском звонкой строительной пленки.

На светящемся экране прыгало короткое имя: "Сеня".

Мой внутренний хирург, безжалостно резавший все связи с прошлой жизнью последние сутки, на секунду замер с занесенным скальпелем. Сеня был моим единственным по-настоящему уязвимым местом. Мой девятнадцатилетний умный мальчик, уехавший всего месяц назад в другой город писать свои первые программные коды и строить самостоятельную жизнь. Стас не мог не ударить по нему. Нарциссы всегда бьют туда, где больнее всего, пытаюсь превратить собственных детей в удобные рычаги давления на непокорную жертву.

Я провела застывшим пальцем по стеклу экрана и прижала трубку к уху. Свободной рукой я потянулась к пластиковой молнии пуховика.

- Мам, что у вас происходит? - вместо привычного ленивого приветствия голос сына прозвучал резко, как перетянутая струна, готовая лопнуть в любую секунду. - Отец звонил полчаса назад. Орал как резаный.

- И что же он кричал? - мой голос оказался на удивление ровным.

Я стянула тяжелую зимнюю куртку с плеч и небрежно бросила ее прямо на кожаный пуфик в прихожей. Я осталась стоять посреди своего разрушенного бежевого склепа в роскошном, тяжелом шелке винного цвета, который Лена заставила меня купить час назад. Плотная ткань обхватила талию жестким архитектурным корсетом, заставляя держать спину идеально прямо. Короткий, графичный срез моих новых волос открывал шею ледяному воздуху, но я не чувствовала озноба. Платье цвета венозной крови сидело на мне как надежная, пуленепробиваемая броня.

- Он сказал, что у тебя поехала крыша на фоне раннего климакса, - Сеня говорил быстро, я отчетливо слышала на заднем фоне торопливое, нервное шелканье компьютерной мышки. - Сказал, что ты вышвырнула его на мороз абсолютно голым, разбила наше окно и украла все его документы, карты и ключи. Требовал, чтобы я срочно приехал и "вразумил больную мать", пока он не вызвал бригаду санитаров. Мам, он был в полном неадеквате. Я вообще ничего не понял из его истерики. Ты в порядке?

В прошлой жизни удобная, мягкая Валерия Лобова немедленно осела бы на пол прямо в этих плотных черных колготках. Залилась бы горячими слезами, начала бы суетливо оправдываться, захлебываясь обидой и доказывая родному ребенку, что она не сумасшедшая.

Но той Валерии больше не существовало. Ее прах покоился в металлической урне у торгового центра вместе со старым кардиганом цвета половой тряпки.

- Я в абсолютном порядке, Сеня, - я медленно прошла на кухню, стараясь не наступать на крупные осколки, и оперлась ладонью о ледяной искусственный камень столешницы. - А теперь послушай меня. Давай проведем дебаггинг. Кажется, так это называется у вас на факультете программирования? Поиск и устранение критических ошибок в коде.

Щелканье мышки на том конце провода мгновенно прекратилось.

- Давай. Я внимательно слушаю.

- Факт первый, - я чеканила слова с той же безжалостной интонацией, с которой диктовала сложный нотный диктант отстающим ученикам. Без лишних эмоций. Хирургически

точно. - Вчера вечером у меня отменился урок, и я вернулась домой на два часа раньше. В нашей прихожей стояли чужие белые сапоги, а на моем ортопедическом матрасе твой отец увлеченно тестировал выносливость двадцатидвухлетней ассистентки из своего отдела.

Сеня шумно выдохнул прямо в микрофон, но не перебил.

- Факт второй. Парочке стало жарко от активных физических упражнений, и они вышли на балкон. Абсолютно голыми. Я просто закрыла за ними дверь на блокировку. Замок исправен, ошибки системы нет. Механизм сработал идеально.

- Жесть... - глухо донеслось из динамика.

- Факт третий, - я перевела взгляд на балконный проем, где строительная пленка Лены хлопала под напором ноябрьского сквозняка, отбивая рваный ритм. - Твой отец не нашел ничего умнее, чем разбить дорогой многокамерный стеклопакет кадкой с моим любимым фикусом, чтобы спастись от холода. После чего он забрал свои брендовые вещи в мусорных мешках и отбыл в неизвестном направлении вместе со своей музой. Никаких документов я не крала, они преспокойно лежали во внутреннем кармане его пиджака.

- И четвертый факт? - тихо спросил сын. Он безошибочно уловил мой ледяной ритм.

- А четвертый факт, Сеня, заключается в том, что сегодня утром твой успешный отец заблокировал нашу общую зарплатную карту. Ту самую, на которую я годами переводила свои деньги. Он оставил меня в выстуженной квартире без копейки на еду, рассчитывая, что к вечеру я приползу к нему на коленях и буду вымаливать прощение за его же собственную измену.

Я замолчала.

Тишина в трубке стала плотной, густой, почти осязаемой. Я физически приготовилась к самому страшному удару. Мальчики часто тянутся к сильным, успешным отцам, которые покупают им дорогие игровые ноутбуки и свысока рассуждают о бизнесе. Стас годами выстраивал перед сыном образ добытчика и хозяина жизни, задвигая меня на роль бессловесного обслуживающего персонала. Сейчас девятнадцатилетний парень на том конце провода должен был сделать свой главный выбор. Кому верить: жалкому, но богатому отцу, или матери, у которой на счет гордо светился абсолютный ноль.

Тишина разорвалась глубоким, невероятно взрослым вздохом.

- Знаешь, мам... - голос Сени звучал удивительно спокойно, в нем не было ни капли подростковой истерики или растерянности. - Отец всегда был как баг в системе. Уязвимость нулевого дня. Вечно жрал оперативную память своими претензиями, требовал идеальных условий для работы и постоянно выдавал системные ошибки. Давно пора было обновить эту чертову программу.

Я прикрыла глаза. Мои колени под тяжелой тканью платья едва заметно дрогнули. Железобетонный каркас, который я с таким трудом выстроила внутри себя за этот сумасшедший день, выдержал самую главную проверку на прочность. Мой мальчик. Мой идеальный, чистый код.

- Я прямо сейчас кидаю его номер в тотальный блэклист, - деловито продолжил сын, и на заднем фоне снова застучала клавиатура. - Мне этот грязный цирк не нужен, у меня завтра сложный коллоквиум по матанализу. Mam, у меня на карте осталась половина стипендии. И я халтуру взял на выходные, сайт верстаю для одной логистической конторы. Скинуть тебе денег на продукты?

- Не нужно, родной, - я впервые за эти безумные сутки улыбнулась. Улыбка получилась слабой, но абсолютно искренней. - У меня есть моя заначка наличными. И я сегодня взяла новые частные уроки. Я справлюсь, не переживай. Просто учись хорошо.

Я хладнокровно, не моргнув глазом солгала собственному сыну. Я умолчала о том, что от моей тайной заначки после покупки этой винной брони остались жалкие копейки на проезд в

автобусе и пакет дешевой крупы. Но я не собиралась вешать свои взрослые проблемы на плечи студента. Я выгребу сама.

- Ты если что - сразу звони и говори. Поняла меня? Я приеду первым же рейсом и поме-
няю ему интерфейс вручную. Никто не имеет права оставлять тебя без денег в холодном доме.

- Договорились. Спокойной ночи, Сеня.

- Спокойной, мам. И знаешь... платье себе купи какое-нибудь красивое. Я тебе на Новый
год денег подкину. А то ты всё в бежевом ходишь, как старая моль в архиве.

Связь оборвалась короткими гудками.

Я посмотрела на свой роскошный винный подол, отражающийся в глянцевом камне
кухни, и тихо, хрипло рассмеялась. Звук моего смеха ударился о пустые стены и бесследно
растворился в холоде. Я выиграла этот бой. Нарцисс лишился своего главного зрителя и самого
мощного инструмента манипуляции.

Я потянулась к кнопке электрического чайника, чтобы согреть воды, когда телефон,
лежащий на столешнице, коротко и агрессивно завибрировал. Дважды. Подряд.

Экран загорелся, высвечивая два новых текстовых уведомления. Идеальный, хрестома-
тийный архитектурный контраст.

Первое сообщение было от Стаса. Бывший муж явно понял, что Сеня перестал брать
трубку и заблокировал его номер. Угрозы вываливались на экран смартфона сплошной, нечи-
таемой, лишенной знаков препинания простыней текста. Паника смешалась с первобытной
злостью.

"Ты пожелаешь что настраиваешь сына против родного отца!!! - гласило послание. - Я
найму лучших адвокатов в городе. Оставлю тебя бомжихой на теплотрассе. Ты мне еще в ногах
валяться будешь и извиняться за то что устроила! Мои юристы сотрут тебя в порошок поняла
меня!!!"

Мой внутренний филолог и преподаватель брезгливо поморщился. Человек, годами
носивший итальянские шерстяные костюмы за астрономические суммы, так и не смог освоить
базовое правило употребления мягкого знака в глаголах и словарное слово "извиняться". Я
смотрела на этот цифровой визг дешевой пластиковой флейты и не чувствовала ничего, кроме
всепоглощающего презрения. Угроза судом означала только одно - мне действительно нужен
тот самый безжалостный адвокат Лаврентий Эдуардович, о котором говорила Ленка. Шахмат-
ная партия переходила в активную фазу.

Я перевела взгляд на второе уведомление. Незнакомый номер.

Текст был коротким, выверенным, со всеми знаками препинания и идеальной граммати-
кой. Он стоял на экране ровно и надежно, как тяжелая гранитная колонна.

"Валерия Викторовна, добрый вечер. Извините за позднее беспокойство. Инструмент в
моем загородном доме требует сложной настройки. Буду признателен, если порекомендуете
хорошего мастера. Ваш номер телефона взял в учебной части школы. П.А. Сёмин".

Проход. Тот самый человек, который сегодня на уроке пытался раздавить меня своим
монолитным авторитетом, но отступил, признав мою правоту. Человек, у которого были тяже-
лые руки в строительных мозолях и внимательные глаза цвета передержанного чая.

Он не звонил, чтобы не вторгаться в мое личное пространство поздним вечером. Он
написал с вежливым, профессиональным запросом, сразу обозначив источник моего номера,
чтобы не выглядеть подозрительным преследователем. В каждом напечатанном слове сквозило
уважение к чужим границам - то качество, которого мой бывший муж был лишен на генети-
ческом уровне.

Я стояла в ледяной кухне, опираясь бедром о столешницу. В чайнике с нарастающим,
уютным гулом закипала вода, согревая воздух вокруг меня.

Мой палец с коротким ногтем завис над экраном. Я не стала отвечать Стасу. Я не соби-
ралась вступать в бессмысленную, грязную перепалку, доказывая, что он сам разрушил нашу

семью своими собственными руками. Я просто небрежным движением смахнула его истеричные угрозы влево. В корзину. В абсолютное небытие.

Затем я открыла чат с незнакомым номером. Клавиатура послушно выскочила на экране.

"Добрый вечер, Прохор Андреевич, - быстро и уверенно набрали мои пальцы. - У меня есть отличный настройщик. Сброшу его контакт завтра утром. Смотря в каком состоянии ваш инструмент".

Ответ прилетел через три секунды, словно Сёмин держал телефон в руках, безотрывно глядя на мой статус набора текста.

"Инструмент очень старый. Кабинетный "Беккер". Стоит без дела много лет. Боюсь, обычный настройщик не справится, нужна профессиональная оценка перед серьезной реставрацией. Вы беретесь за такие консультации на выезде?"

Я смотрела на этот ровный текст, и внутри меня, глубоко под холодным панцирем обиды и накопившейся усталости, начал отбивать такт совершенно новый метроном.

Двадцать лет я обслуживала чужую жизнь, сливалась с бежевыми обоями и затыкала своим терпением дыры в фальшивой симфонии Стаса. Мне определенно пора было начать играть свою собственную партитуру. Без оглядки на чужие фальшивые ноты.

"Берусь", - написала я и решительно нажала кнопку отправки.

Глава 10. Пластиковая флейта берет фальшь

- Я думаю, нам нужно закрыть этот гештальт и экологично отпустить друг друга, Валерия. Вы же взрослая женщина и должны понимать, что насильно мил не будешь.

Голос Мирославы звучал так, будто она с выражением зачитывала методичку с дешевого марафона желаний в интернете. Тонкая пластиковая флейта отчаянно пыталась взять глубокую, мудрую и философскую ноту, но ожидаемо выдавала лишь жалкий, дребезжащий фальцет.

Я сидела за крошечным, шатким столиком в дешевой тесной пекарне у самого входа в музыкальную школу. До начала моего первого урока оставалось чуть больше двадцати минут. На улице завывал пронизывающий ноябрьский ветер, с остервенением швыряя в панорамное стекло горсти колючей ледяной крошки. Я грела побелевшие от холода пальцы о картонный стаканчик с самым дешевым, пакетированным черным чаем. На нормальный капучино у меня просто не осталось денег после вчерашней спонтанной покупки платья.

Мой роскошный, тяжелый винный шелк сейчас был надежно спрятан под старым, бесформенным пуховиком, но я физически чувствовала, как жесткая архитектурная ткань обхватывает талию, помогая держать спину идеально ровно. Никакой бежевой сутулости. Броня работала даже под слоем старого синтепона.

Мирослава подкараулила меня на улице и уверенно ввалилась в пекарню следом, принеся с собой запах сырости и тревоги. При безжалостном утреннем свете дешевых люминесцентных ламп, без горячего адреналина нашей ночной балконной сцены, она выглядела совершенно иначе. Весь ее журнальный глянец померк. Под глазами залегли сероватые тени от бессонной ночи на поролоновом диване чужой квартиры. На ней было всё то же тонкое светлое пальто, а на носках ее издевательски непрактичных белых сапожек уже проступили уродливые, въедливые желтые разводы от уличных реагентов. Обувь явно не предназначалась для поездок в утренних муниципальных автобусах.

- Стас сказал, что вы ведете себя абсолютно неадекватно, - продолжила она, нервно теребя блестящую цепочку своей сумочки. - Выставили его голым на мороз. Забрали ключи от дома. Заблокировали дверь. Валерия, это просто смешно и унижительно в вашем возрасте. Вы должны собрать свои личные вещи и съехать. Стас платил за эту элитную квартиру, это его законный дом. А нам с котиком сейчас негде жить. Снимать ту жуткую вонючую дыру с просиженным диваном - это вообще не в наших правилах.

Удобная, покладистая Лера из прошлой жизни сейчас бы непременно задохнулась от возмущения и обиды. Покрылась бы некрасивыми красными пятнами, начала бы суетливо оправдываться, доказывать свою правоту или, в худшем случае, плеснула бы горячим чаем в это гладкое, обколотое гиалуронкой лицо.

Но мой внутренний хирург уже хладнокровно надел стерильные перчатки. Я смотрела на девочку напротив не как уничтоженная горем жена на коварную разлучницу. Я смотрела на нее как строгий оценщик ломбарда, которому принесли краденую вещь, свято веря, что это чистейший бриллиант, хотя из поцарапанной оправы откровенно торчала дешевая, мутная стекляшка.

Я молча отодвинула от себя картонный стаканчик. Вытащила из потертой кожаной сумки свой рабочий пенал. Достала на свет тот самый толстый черный маркер. Моя личная дирижерская палочка, которой я теперь переписывала свою судьбу.

Пододвинула поближе тонкую, дешевую бумажную салфетку.

- Что вы делаете? - Мирослава настороженно прищурилась, ее наращенные кукольные ресницы нервно дрогнули.

- Провожу дебаггинг твоего котика, - ровно ответила я. Я вспомнила вчерашний ночной разговор с сыном и с огромным удовольствием использовала его профессиональную терминологию. - Давай посчитаем твой реальный выигрыш в этой генетической лотерее. Посчитаем амортизацию успешного мужчины.

Я зубами сняла колпачок и крупно, с сильным нажимом вывела на салфетке шестизначное число. Маркер противно скрипел по тонкой бумаге, оставляя жирный, въедливый след.

- Видишь эту цифру? Это не стоимость его нового итальянского пиджака. Это ежемесячный платеж по ипотеке. Наша с ним хваленая элитная квартира принадлежит банку. И платить за эту витрину успеха еще долгих одиннадцать лет.

Мирослава непонимающе заморгала, чуть подавшись вперед. Запах ее ванильного парфюма смешался с ароматом дешевых дрожжевых булок в пекарне, создавая тошнотворный диссонанс.

- Ну и что? Стас отлично зарабатывает! Он руководитель целого отдела!

- Верно. Он зарабатывает, - я поставила жирный минус и написала следующую, не менее внушительную цифру. - А теперь давай вычтем из его красивой зарплаты обязательную финансовую помощь нашему сыну-студенту. Вычтем его премиальный годовой абонемент в фитнес-клуб с бассейном. Вычтем матовую пасту для укладки волос, которая стоит как половина моей зарплаты. Вычтем регулярную химчистку его шерстяных костюмов, бензин для кроссовера и доставку правильного питания из ресторанов, потому что у котика гастрит от стресса на работе и он категорически не ест вчерашнее.

Я методично, строку за строкой, расписывала на белой салфетке уродливую анатомию моего двадцатилетнего брака. Мой маркер безжалостно вскрывал фасад респектабельного мужчины, обнажая зияющие, беспросветные пустоты.

- Стас мог играть в хозяина жизни только по одной причине, Мирослава, - мой голос был тихим, но тяжелым и плотным, не оставляющим пространства для возражений. - Потому что все эти двадцать лет я полностью оплачивала коммуналку из своих денег, выискивала продукты по акциям, готовила ему свежие завтраки, обеды и ужины, и стирала его вещи. Я была бесплатным, удобным, круглосуточным обслуживающим персоналом, который позволял ему спускать его зарплату на его же собственный лоск.

Девушка напротив меня начала стремительно бледнеть. Ее пухлые губы приоткрылись, обнажив идеально белые зубы. До нее медленно, с болезненным скрипом доходило, что она украла из чужого музея совершенно не тот экспонат. Она утащила капризный, невероятно дорогой в обслуживании инструмент, который теперь висел исключительно на ее тонкой, не обремененной интеллектом шее.

- Он заблокировал мои банковские карты не потому, что он всемогущий вершитель судеб, - я подвела жирную черту под списком расходов. В самом низу салфетки красовался уродливый, перечеркнутый ноль. - Он сделал это от животной паники. У него просто нет свободных денег, чтобы прямо сейчас снять вам нормальную квартиру. И не будет. Потому что теперь кормить, обстирывать и обслуживать этого мамонта придется лично тебе. На твою скромную зарплату ассистентки.

- Вы врете! - ее голос сорвался, дав ту самую пронзительную, режущую слух фальшивую ноту. Она вцепилась побелевшими пальцами в края своего светлого пальто. - Вы просто злая, завистливая брошенная женщина! Он обещал мне Бали в декабре! Мы уже смотрели виллы у океана!

Я усмехнулась. Мои губы дрогнули в сухой, мертвой улыбке, абсолютно не коснувшейся глаз.

- Проверь его телефон, девочка. И убедись, не взял ли твой успешный руководитель микрозайм под бешеный процент на эти виллы, чтобы пустить тебе пыль в глаза. Потому что кре-

дитную историю он безнадежно испортит себе, а вот платить по счетам коллекторов вы будете вместе. Из вашего экологичного, совместно нажитого бюджета.

Исписанная салфетка мягко легла прямо перед ее носом.

Мирослава смотрела на черные цифры расширенными от первобытного ужаса глазами. В ее затравленном взгляде отчетливо читалось крушение всех глянцевых надежд и планов на богатую жизнь. Вся уверенная спесь, с которой она пришла сюда требовать ключи от квартиры, мгновенно испарилась. Она вдруг остро поняла, что по собственной глупости влезла в захлопнувшийся капкан.

Она резко вскочила. Деревянный стул с противным, царапающим металлическим визгом отлетел назад. Не сказав больше ни единого слова, она развернулась и практически выбежала из тесной пекарни. Колокольчик над стеклянной дверью истерично звякнул,пуская внутрь щедрую порцию ледяного ноябрьского сквозняка.

Я осталась сидеть за столиком в полном одиночестве.

Сделала последний, абсолютно холодный глоток дешевого чая. У меня внутри не было ни капли бабского злорадства или торжества победительницы. Только кристально чистое, хирургическое удовлетворение от качественно проделанной работы. Я знала Стаса слишком хорошо. Его картонный замок уже начал стремительно рушиться изнутри. Юная муза явно не планировала становиться бесплатной кухаркой и терпеливым спонсором его раздутого эгоизма.

Но ее утренний визит означал одну очень важную, критическую вещь. Стас был в полном отчаянии. Он трусливо послал любовницу на разведку, пытаясь надавить на мою совесть чужими руками. И когда он окончательно поймет, что этот дешевый трюк не сработал, он начнет действовать грязно. Он пойдет в суд делить имущество.

Мой новый стальной позвоночник легко выдерживал любые попытки психологического давления, но в юридических нотах я была абсолютно некомпетентна. Моя ипотечная крепость находилась под прямой угрозой захвата.

Я достала телефон из глубокого кармана пуховика. Пальцы быстро, без малейших колебаний нашли в списке контактов номер Лены. Я набрала текстовое сообщение, не раздумывая ни секунды.

"Ты говорила, у тебя есть знакомый адвокат, который ест таких мужей на завтрак? Назначай встречу как можно скорее. Мне пора научиться играть по их правилам".

Сообщение улетело, отметившись серой галочкой доставки.

В кармане завибрировал школьный таймер, предупреждая, что до звонка на первый урок сольфеджио осталось ровно пять минут. Я скомкала исписанную салфетку с математикой моего рухнувшего брака и метко бросила ее в мусорную урну у самого выхода. Точно так же, как вчера без сожалений выбросила свой удобный бежевый кардиган.

Я толкнула стеклянную дверь и вышла на морозный ветер. Спина была идеально прямой. Я была полностью готова к полномасштабной войне.

Глава 11. Шахматная партия в твидовом костюме

- Бракоразводный процесс, Валерия, это не трагедия. Это просто инвентаризация чужой глупости, - произнес Лаврентий Эдуардович, небрежно плеснув темную янтарную жидкость в пузатый хрустальный бокал.

В его кабинете густо пахло старой дорогой кожей, пыльными бумажными архивами и хорошим табаком. Напольные часы с тяжелым маятником показывали десять утра следующего дня. Моя подруга Лена, получив вчерашнее утреннее смс, сработала с оперативностью спецназа, выбив нам время для срочной консультации.

Мой старый, бесформенный пуховик сиротливо висел на массивной напольной вешалке у двери. Я сидела в глубоком кресле для посетителей, чувствуя, как плотный винный шелк моего нового платья приятно холодит кожу. Я носила эту вещь второй день подряд, превратив роскошную ткань в свою неснимаемую, пуленепробиваемую броню. Жесткая архитектурная выточка обхватывала талию, не позволяя мне сутулиться. Мой новый стальной позвоночник идеально вписывался в эту обстановку тяжелого дуба и неспешной, уверенной власти.

Лаврентий Эдуардович был именно таким, каким его описывала Лена. Старый, потрепанный жизнью кот в безупречном твидовом костюме-тройке. Кот, который уже давно переловил всех мышей в округе и теперь исключительно ради спортивного интереса охотился на зажавшихся бульдогов.

- Итак, - он сделал крошечный глоток коньяка, абсолютно не смущаясь утреннего времени. - Давайте сверим партитуру. Ваш супруг, изгнанный из Эдема в чем мать родила, решил перекрыть вам финансовый кислород.

- Заблокировал общую зарплатную карту, аннулировал полис ДМС и пообещал вышвырнуть меня на теплотрассу, оставив с долгами по ипотеке, - ровно, без единой слезинки перечислила я.

Мой внутренний хирург методично раскладывал инструменты на стерильном столе. Никаких эмоций. Только сухие, оцифрованные факты.

- Он уверен, что я приползу к нему на коленях, потому что это он, цитирую, «приносил в дом мамонта».

Адвокат слушал меня, чуть прикрыв глаза. На его лице медленно, неумолимо расплзалась ласковая, почти нежная улыбка. Так смотрит искушенный гурман на очень аппетитного, румяного, но невероятно глупого поросенка, который сам, добровольно лезет на вертел, предварительно обмазавшись яблочным соусом.

- Восхитительно, - промурлыкал Лаврентий Эдуардович. - Обожаю таких самоуверенных, глянцевых идиотов. Они всегда совершают одни и те же шаблонные ошибки, свято веря в собственную гениальность.

- Есть одна проблема, - я чуть подалась вперед, опираясь локтями о массивную столешницу. - Мой официальный бюджет на данный момент равен нулю. Последние наличные деньги из тайной заначки я потратила на это платье.

Лена, сидевшая в соседнем кресле и меланхолично листающая глянцевый журнал, одобительно хмыкнула, не поднимая головы.

- Я не могу оплатить ваш аванс, Лаврентий Эдуардович, - я смотрела прямо в его выцветшие, умные глаза. - Я знаю, сколько стоят услуги юриста вашего уровня. Мне нечем платить за эту шахматную партию. У меня в кармане остались копейки на проезд в автобусе и пачку дешевой крупы.

Старый кот тихо, раскатисто рассмеялся. Звук был похож на шуршание плотной наждачной бумаги по дереву.

- Оставьте свои копейки себе, Валерия Викторовна. Купите на них новые туфли к этому потрясающему платью, - он поставил бокал на стол и сцепил пальцы в замок, бросив беглый взгляд на мои стоптанные осенние ботинки. - Я не беру с таких клиенток фиксированную ставку. Это скучно. Я работаю за процент от того скрытого имущества, которое мы с вами выпотрошим из вашего благоверного. Поверьте моему опыту, вскрывать фасады таких лощеных нарциссов - мое любимое профессиональное хобби.

Я нахмурилась. Моя привычная, бежевая логика дала сбой.

- Какого скрытого имущества? У нас есть только квартира в ипотеке. И кроссовер, оформленный на него. Его зарплата руководителя отдела продаж полностью уходила на платежи банку, бензин, помощь нашему сыну-студенту и содержание самой машины.

- Стоп, - адвокат поднял указательный палец в воздух, останавливая мой монолог. - А теперь давайте проведем аудит вашего мамонта. Опишите мне быт мужа. Как часто он покупал итальянские костюмы из тонкой шерсти?

- Раз в сезон. Плюс дорогие рубашки, шелковые галстуки... - я начала медленно перечислять, чувствуя, как внутри меня начинает раскручиваться холодная, тугая пружина понимания.

- Отлично. А его премиальный фитнес-клуб с бассейном? Ресторанные доставки правильного питания? Матовая паста для волос и парфюм по цене крыла самолета? Поездки на профильные выставки, которые он якобы сам себе оплачивал для статуса?

Я замолчала. Цифры, которые я еще вчера расписывала черным маркером на салфетке для Мирославы, вдруг сложились в совершенно новую, пугающую математическую модель. Стас продавал системы промышленной вентиляции. Крупные объекты. Серьезные строительные подряды. Его белой, официальной зарплаты, которой он так кичился перед моими музыкальными «копейками», физически не могло хватить на тот уровень глянцевого потребления, к которому он привык.

- Откаты, - мой голос прозвучал глухо.

Фальшивая нота, которую я не замечала долгих двадцать лет, вдруг зазвучала с оглушительной, кристальной ясностью.

- Серые схемы. Премии в конвертах от поставщиков.

- Бинго, - Лаврентий Эдуардович хищно оскалится. - Ваш муж годами выстраивал образ успешного бизнесмена, но при этом заставлял вас оплачивать коммуналку и базовые продукты из вашей скромной зарплаты бюджетника. Знаете почему? Потому что свои левые доходы он аккуратно складировал на скрытых счетах. Подальше от семейного бюджета и ваших глаз.

Воздух в кабинете внезапно стал тяжелым. Мой внутренний хирург брезгливо поморщился. Двадцать лет я сэкономила на себе, покупала дешевую краску для волос по акции и занаскивала вещи до дыр, жалея уставшего, много работающего мужа. А он просто методично обворовывал нашу семью, перекачивая деньги в свой личный, эгоистичный резервуар.

- Что мы будем делать? - мой голос стал режущим холодным. Температура в комнате, казалось, упала на пару градусов.

- Мы не будем уходить в глухую оборону и делить ипотечные вилки, Лерочка, - Лаврентий Эдуардович придвинул ко мне стопку распечатанных бланков. - Мы переходим в жесткое наступление. Я прямо сегодня отправляю адвокатские запросы. Мы поднимем все его транзакции за последние три года. Мы найдем каждый перевод на имя его юной пластиковой музы. Докажем растрату совместного семейного бюджета на любовницу.

Он положил поверх бумаг тяжелую, дорогую перьевую ручку.

- И самое главное. Я подаю экстренное ходатайство о наложении обеспечительного ареста на все его счета. Включая скрытые. Мы перекроем ему кислород по-настоящему. Юридически. Безупречно. Пусть сидит голым не только на балконе, но и перед лицом закона.

Я посмотрела на белые листы договора. Это была партитура моего личного возмездия. Я взяла ручку. Гладкий металл приятно охладил дрогнувшие пальцы.

Я не стала перечитывать мелкий шрифт. Я просто поставила внизу страницы свою жесткую, размашистую подпись. Точно так же я ставила жирный крест красной ручкой в нотных тетрадах учеников, которые безнадежно фальшивили на экзамене.

- Шах и мат, Стасик, - довольно прокомментировала Лена, с хлопком закрывая журнал. Она поднялась с кресла, поправляя воротник своей блузки. - Пойдем, хирург. У тебя сегодня еще пациенты в музыкальной школе.

Мы вышли из душного, пропитанного табаком здания на улицу.

Ноябрьский мороз мгновенно ударил по щекам. Я плотнее запахнула свой старый пуховик, надежно пряча под ним роскошную винную броню. Под подошвами осенних ботинок сухо и зло хрустела ледяная крошка.

Я остановилась у края тротуара, глядя на проносящиеся мимо машины. В моей голове не было шаблонных женских мыслей о том, как страшно начинать жизнь с чистого листа. Не было панического страха перед бедностью или одиночеством.

Я вдруг живо, в мельчайших, восхитительных деталях представила себе одну картину.

Как мой бывший муж, уверенный в своей безнаказанности, подходит к банкомату. Как он, нервно оглядываясь, вставляет в приемник пластиковую карту от своего тайного счета, чтобы снять деньги на доставку ресторанной еды для своей вечно недовольной любовницы. И как на черном экране загорается сухая, безжалостная красная надпись: «Операция отклонена. Счет арестован по решению суда».

Я впервые за эти безумные, выматывающие дни искренне улыбнулась.

Это не была мягкая, извиняющаяся улыбка удобной жены. Это был хищный, первобытный оскал женщины, которая только что осознала свою абсолютную силу. Стас хотел оставить меня голой перед жизнью. Что ж. Посмотрим, как он сам станцует на этом морозе, когда с него сорвут его последний, фальшивый финансовый фиговый листок.

- Кофе хочешь? - спросила Лена, поеживаясь от ветра. - Угощаю.

- Нет, - я поправила тяжелую сумку с нотами на плече. Спина оставалась идеально ровной. - Мне пора на работу. Сегодня у меня по плану строительство нового фундамента.

Я развернулась и зашагала к автобусной остановке. Внутри меня уверенно звучал четкий, безжалостный ритм. Я была абсолютно, ледяно готова к следующему акту своей жизни. И к встрече с тем мужчиной, который умел строить настоящие, крепкие мосты.

Глава 12. Предложение, от которого нельзя отказаться

- Вы что, кого-то убили, Валерия Викторовна? - хриплый голос Сони разрезал спертый, пахнувший старой мастикой воздух четырнадцатого класса.

Девочка застыла на пороге, так и не закрыв за собой обшарпанную дерматиновую дверь. Ее напускной подростковый цинизм, который она постоянно носила как безразмерную черную толстовку, дал неожиданный сбой. Соня смотрела на меня широко раскрытыми глазами, забыв даже выплюнуть мятную жвачку.

Я сидела за старым, потертым «Красным Октябрем». Мой вытянутый бежевый кардиган, служивший мне маскировочным халатом последние несколько лет, благополучно гнил на дне мусорной урны у элитного торгового центра. Уродливый зимний пуховик был небрежно брошен на соседний стул. Сейчас на мне был только тяжелый винный шелк, стягивающий талию жесткими, бескомпромиссными выточками, и острая, графичная асимметрия новых коротких волос. Эта роскошная броня, в которой я еще утром сидела в кожаном кресле у адвоката, теперь служила мне рабочей формой.

- Пока нет, Соня, - ровно и совершенно серьезно ответила я, не убирая рук с пожелтевших клавиш. - Но этот день еще не закончился. Закрой дверь, сквозит.

Смена моего фасада мгновенно поменяла акустику в помещении. Соня больше не пыталась мне хамить. Она не стала громко топтать своими массивными ботинками по паркету или картинно сутулиться в знак протеста, как делала на вчерашнем занятии. Девочка просто подошла и тихо села на скрипучую банкетку рядом со мной, с невольным уважением разглядывая мою открытую шею.

- Круто выглядите, - буркнула она себе под нос, торопливо доставая нотную тетрадь из рюкзака. - Как из какого-то кино про шпионов.

- Оставим комплименты для антракта, - я сухо постучала карандашом по деревянному пюпитру. - Правая рука на клавиатуру. Вспоминай вчерашний фундамент. Кисть круглая, будто держишь яблоко, локоть не висит. Сегодня мы берем темп в два раза быстрее.

Ее привычный подростковый бунт окончательно разбился о мою новую монолитную архитектуру. Следующие сорок пять минут мы жестко, без единой паузы на жалость или отдых, вбивали правильный ритм в разохшееся дерево старого пианино. Соня пыхтела, злилась на собственные непослушные пальцы, стирала пот со лба рукавом толстовки, но не огрызалась. Она интуитивно, на животном уровне чувствовала, что перед ней сидит человек, у которого больше нет ресурса на мягкие педагогические уговоры. Мой внутренний хирург требовал чистого звучания, и мы вырезали фальшь раз за разом.

Прозвенел пронзительный, дребезжащий звонок. Я накинула свой старый пуховик прямо поверх роскошного платья, надежно спрятав винную броню под дешевым синтепоном, повесила на плечо потертую сумку с нотами, и мы вышли в коридор.

Среди облупившейся советской штукатурки, намертво пропитанной запахом канифоли и детского отчаяния, стоял Прохор Сёмин.

В своем темном дорогом кашемировом пальто он выглядел как массивная, сверхнадежная несущая балка, которую по ошибке пьяных строителей вмонтировали в хлипкий картонный домик. Он не переминался с ноги на ногу, не проверял нервно экран телефона, не раздражался от бегающих мимо первоклашек. Он просто стоял и ждал свою дочь.

Его взгляд медленно поднялся. Глаза цвета передержанного, крепкого чая скользнули по моему расстегнутому вороту пуховика, где виднелся жесткий шелк, затем прошлись по четкому срезу каре.

Мой внутренний хирург привычно напрягся, ожидая сального, оценивающего блеска. Так всегда смотрел на красивых женщин мой бывший муж Стас - прикидывая их рыночную стоимость и статусность, как удобное приложение к собственному раздутому эго.

Но Прохор смотрел совершенно иначе. Так смотрит профессиональный архитектор, который вдруг обнаружил, что с исторического, фундаментального здания наконец-то сняли грязные строительные леса и сорвали уродливые рекламные баннеры.

- Добрый вечер, Валерия Викторовна, - его низкий, спокойный голос легко перекрыл какофонию школьного коридора. - Как наши успехи сегодня?

- Добрый вечер. Фундамент заложен, бетон зреет, - ответила я в его же стиле, не отводя глаз и не пытаясь поправить прическу.

Соня недовольно фыркнула, буркнула «я подожду на улице» и быстро пошла к лестнице, на ходу натягивая на голову гигантские накладные наушники. Мы остались вдвоем.

Прохор сделал шаг навстречу. Запах морозной ноябрьской улицы и терпкого, дорогого парфюма мгновенно вытеснил въедливую школьную пыль.

- Компания вашего мужа, «Климат-Строй», сейчас активно пытается выиграть тендер на монтаж вентиляции моего нового коммерческого объекта, - произнес он ровным, совершенно будничным тоном. Никаких плавных переходов. Жесткий, прямой стык двух тем.

Я едва заметно вздрогнула. В нашем тесном городе безотказно сработал эффект эха. Видео с голым задом Стаса, прыгающим на балконном кафеле, явно перешагнуло границы нашего элитного домового чата и ушло гулять по городским бизнес-кулуарам.

- И как вам их техническое предложение? - мой голос прозвучал хирургически холодно.

- Слишком громкий фасад, Валерия Викторовна, - Прохор засунул руки в глубокие карманы пальто. - Суеты много, презентации красивые, бумаги глянцевые, а материалы в смете заложены самые дешевые и ненадежные. Я не подписываю контракты с подрядчиками, которые не умеют держать лицо при первых же ноябрьских заморозках. И которые так легко бьют чужие окна. Это плохой, нестабильный знак для серьезного бизнеса.

В его словах не было ни грамма липкой, унижительной жалости к «бедной брошенной жене». Он не предлагал мне поплакаться ему в жилетку. Он просто сухо констатировал факт: Стас - дефектная деталь. Бракованный материал, не прошедший проверку на прочность.

Я почувствовала к этому монументальному мужчине волну кристально чистого, профессионального уважения.

- Я написал вам вчера вечером по поводу инструмента, - Прохор не стал затягивать паузу, мгновенно меняя тональность разговора на сугубо деловую. - Кабинетный «Беккер». Он достался мне вместе с загородным домом от прошлых хозяев. Мне нужен настоящий эксперт, который приедет на место, снимет крышку, послушает деку и честно скажет, есть ли смысл вкладывать большие деньги в его реставрацию, или это просто красивые дрова для камина.

Он назвал сумму гонорара за выездную консультацию.

Внутри меня мой абсолютно пустой банковский счет, на котором после блокировки сияли мертвые нули, выдал победный, оглушительный аккорд литавр. Этих денег мне с лихвой хватило бы, чтобы закрыть продуктовую и транспортную брешь от финансовой удавки Стаса на ближайшие недели.

Но мое лицо осталось непроницаемой маской. Ни один лицевой мускул не дрогнул. Удобная бежевая девочка, готовая суетливо пищать от восторга за любую подачку мужа, умерла на холодном полу прихожей.

- Я согласна, Прохор Андреевич, - я перекинула тяжелый ремень кожаной сумки через плечо. - В эту субботу меня устроит. Я посмотрю расписание пригородных электричек в вашем направлении и напишу, во сколько точно...

- Никаких электричек, - перебил он тихо, но так безапелляционно, что я осеклась на полуслове. - Инструмент находится в сорока километрах от города, от станции придется идти

пешком через лес по ноябрьской слякоти. В субботу в десять утра за вами приедет моя машина и привезет обратно, когда закончите работу.

Он просто забрал логику на себя. Жестко выдернул проблему из моих замерзших рук, не оставляя ни малейшего пространства для суетливых женских возражений.

- Хорошо, - только и смогла ответить я, сбита с толку таким подходом.

- До субботы, Валерия Викторовна.

Проходчик чуть кивнул и направился к выходу. Его размеренные, тяжелые шаги еще долго, гулко звучали в пустом школьном коридоре.

Через полчаса я сидела в ледяном салоне дребезжащего муниципального автобуса. За окном в сгущающейся вечерней темноте проносились размытые желтые пятна уличных фонарей. Ветер с остервенением бился в тонкое стекло, заставляя раму противно вибрировать.

Вместо того чтобы меланхолично разглядывать свое отражение, я расстегнула тугую молнию на старой сумке. Засунула покрасневшую от холода руку на самое дно, туда, где была разорвана подкладка.

Мои непослушные пальцы выгребли оттуда горсть мелких железных монет. Последнее, что осталось от моей многолетней тайной закладки после вчерашнего визита в дорогой бутик. Я высыпала мелочь на открытую ладонь. Пересчитала. Ровно на один билет для кондуктора.

Жесткие ребра монет неприятно, колко холодили кожу. По всем законам дешевого жанра, сейчас меня должна была накрыть удушающая, животная паника. Я ехала в пустую квартиру с выбитым окном, наскоро заклеенным строительной пленкой. Мой бывший муж готовил против меня полномасштабную грязную войну. Мои счета были арестованы, а в кошельке буквально звенели последние копейки.

Я сжала ледяной металл в кулаке так сильно, что короткие ногти больно впились в ладонь.

Я не чувствовала страха. Я чувствовала себя пугающе, невероятно богатой. Впервые за долгие двадцать лет я заключила честную сделку. Не как бесплатная домашняя прислуга или удобная «жена Стасика», а как ценный, уважаемый эксперт, чье время и знания стоят дорого.

Внутри меня, уверенно пробиваясь сквозь остатки старого бежевого льда, начал отбивать такт новый, стальной метроном. Я смотрела на свои поношенные осенние ботинки без каблука, физически чувствуя, как под дешевым пуховиком меня плотно обнимает дорогой винный шелк.

Глава 13. Арест фальшивых нот

- Ваш лощенный мамонт официально признан вымершим видом, Валерия.

Голос адвоката Лаврентия Эдуардовича звучал в динамике телефона так, словно старый кот только что с превеликим удовольствием доел исключительно породистую, но очень глупую мышь.

Я шла по обледенелому тротуару к музыкальной школе. Ноябрьский ветер с остервенением швырял мне в лицо колючую снежную крошку, но я даже не пыталась спрятать подбородок в воротник старого пуховика. Моя спина оставалась идеально прямой. Под дешевым синтепоном куртки меня надежно обхватывал жесткий винный шелк. Каждую ночь я педантично застирывала и отпаривала это платье, превратив его в свою личную, неснимаемую военную форму на этот переходный период.

- Судья подписал экстренное ходатайство двадцать минут назад, - продолжал довольно мурлыкать адвокат, пока мои стоптанные осенние ботинки сухо хрустели по тонкому льду. - Мои связи работают безотказно. Обеспечительный арест наложен не только на вашу ипотечную витрину успеха. Мы нашли его скрытые резервуары.

- Левые счета? - уточнила я, не сбавляя шага.

- Именно. Стасик оказался банален до зевоты. Открыл накопительный счет в популярном банке на свое имя, искренне полагая, что если не светить пластиковой картой перед женой, то деньги становятся невидимыми. Туда он годами заботливо сливал свои откаты и премии, пока вы выкраивали копейки на оплату коммунальных услуг. Теперь всё заморожено. Юридическая гильотина опустилась, Лерочка.

Я остановилась у чугунных ворот школы.

В дешевых мелодрамах обманутая жена в этот момент должна была бы издать победный, мстительный визг. Или злорадно расхохотаться прямо посреди улицы, пугая редких прохожих.

Мой внутренний хирург просто удовлетворенно кивнул. Операция прошла успешно. Жгут на главную финансовую артерию наложен, кровопотеря остановлена. Стас хотел перекрыть мне кислород, трусливо заблокировав мою же зарплату. В ответ Лаврентий Эдуардович намертво отсек его от всех накоплений. Теперь мой бывший муж не мог снять ни единого рубля.

- Отличная работа, - мой голос прозвучал ровно и спокойно. Никаких лишних эмоций. - Шахматная партия переходит в миттельшпиль.

- О, дорогая моя, это уже эндшпиль. Просто вашему бывшему мужу забыли об этом сообщить, - усмехнулся адвокат и отключился.

Я опустила замерзшую руку с телефоном. И в эту же секунду экран смартфона коротко, деликатно завибрировал.

Новое push-уведомление. Приложение банка, в котором я только вчера вечером открыла собственную, независимую цифровую карту, высветило входящий перевод. Сумма заставила меня на мгновение перестать дышать. Это был аванс за предстоящую субботнюю экспертизу старинного рояля.

Проход Сёмин просто перевел деньги по номеру моего телефона через систему быстрых платежей. Без лишних звонков, без барских напоминаний и без попыток поторговаться. Жесткий, надежный фундамент, залитый точно в срок.

Я смотрела на зеленые цифры на экране, и математика моей жизни, которая еще вчера зияла пугающими нулями, снова сходилась в идеальный баланс. Я больше не зависела от чужого настроения.

Тяжелая, обитая коричневым дерматином дверь музыкальной школы скрипнула, впуская меня в привычный запах старой паркетной мастики и канифоли.

В учительской, как обычно, гудело утреннее собрание. Маргарита Павловна сидела во главе стола со своей неизменной чашкой ромашкового чая. Увидев меня, она мгновенно подбралась, ее водянистые глазки жадно блеснули в предвкушении свежей порции страданий брошенной жены.

Я молча растегнула молнию пуховика и стянула его с плеч.

Разговоры в комнате оборвались так резко, словно кто-то выдернул шнур из розетки. Глубокий, насыщенный цвет венозной крови моего платья ударил по их пыльным, выцветшим шалам и серым вязаным кофтам, как оглушительный удар в литавры. Четкий, графичный срез моих новых коротких волос открывал шею. Я неспешно повесила куртку на крючок, взяла свой рабочий журнал и абсолютно спокойно посмотрела на коллег.

- Доброе утро, - я чуть улыбнулась. Улыбка получилась сухой, дежурной и мертвой. - Маргарита Павловна, вы сегодня на удивление молчаливы. Надеюсь, вы бережете связи для своего старшего хора, потому что вчера они снова фальшивили во второй октаве.

Я вышла из учительской под аккомпанемент звенящей, шокированной тишины.

Мой внутренний метроном отбивал жесткий, уверенный такт. На уроках я больше не делала скидок. Первым ко мне пришел восьмилетний Илья, сын местных бизнесменов, который привык лениво перебирать клавиши, зная, что «добрая Лерочка» всё равно поставит четверку.

- Нет, Илья, - я мягко, но непреклонно убрала его руки с клавиатуры после первого же грязного аккорда. - Мы не будем замазывать ошибки педалью. Музыка - это математика, а ты сейчас пытаешься выдать мне фальшивую купюру. Начинай заново. И держи спину.

Удобная, безотказная Лера исчезла. На ее месте сидел требовательный эксперт, который наконец-то осознал собственную ценность. Я сама была сложным инструментом, способным генерировать чистый звук и реальный доход.

Вечером, когда я вышла за чугунные ворота школы в сгущающуюся темноту, у заснеженного тротуара меня уже ждала Лена. Подруга куталась в свое неизменное леопардовое пальто и нетерпеливо притоптывала кожаными каблуками по слякоти.

- Садись в такси, хирург, - скомандовала она, распахивая передо мной дверцу желтой машины. - Лаврентий отзвонился мне еще в обед. Мы едем закреплять успех. И нет, мы едем не пить текилу.

Такси привезло нас к сияющим витринам элитного торгового центра. Лена уверенно, как атомный ледокол, протащила меня мимо шумных кофеен и ярких магазинов косметики, целенаправленно свернув в полутемный бутик премиального нижнего белья.

Здесь пахло не старой бумагой и пылью, а дорогим интерьерным парфюмом, тонким шелком и концентрированной женственностью. Приглушенный теплый свет заливал кронштейны с невесомыми кружевными комплектами.

Я инстинктивно прижала к себе потертую кожаную сумку с нотами. Мой мозг, годами натренированный на тотальную экономию и выискивание желтых ценников, немедленно включил сигнал тревоги.

- Лен, ты издеваешься? - прошипела я, глядя на бирку ближайшего бюстгальтера. Сумма равнялась половине моей прежней месячной зарплаты. - У меня внутри только-только появился каркас, не нужно ломать его транжирством. У меня впереди еще суды.

- Твой каркас, Лерочка, сейчас держится на честном слове, моей текиле и винном шелке, - Лена развернулась ко мне, уперев руки в бока. - Двадцать лет. Двадцать лет я молча смотрела, как ты покупаешь себе уродливые, бесшовные бежевые тряпки из микрофибры. Знаешь почему ты их носила?

- Потому что они практичные и не выделяются под водолазками, - машинально, заученно ответила я.

- Потому что Стасику было удобно закидывать их в стиральную машину вместе со своими светлыми рубашками! - отрезала подруга, ее голос лязгнул металлом. - Ты даже белье выбирала так, чтобы ему было комфортно стирать! Любое красивое здание рухнет, если у него гнилая арматура. Фасад мы тебе сменили. Пора менять скрытый фундамент. Женщина начинается с того, что прикасается к ее коже.

Она подозвала вышколенного консультанта и ткнула длинным ногтем в манекен.

- Нам нужен этот комплект. Размер семьдесят пять Б. И не стой столбом, Лера. Иди в примерочную.

Тяжелая бархатная штора отрезала меня от зала. Я стянула осенние ботинки, сняла пуховик, аккуратно расстегнула скрытую молнию платья.

Черное, архитектурно-выверенное кружево легко на кожу. В нем не было ничего от вульгарной, дешевой игривости, которую так любила Мирослава. Жесткие, идеальные линии косточек сработали как стальные несущие балки. Полупрозрачная ткань обхватила грудь, безжалостно подчеркивая каждую линию.

Я посмотрела на себя в огромное, в полный рост зеркало.

Оттуда на меня смотрела женщина, которая больше не боялась собственных теней. Черная кружевная броня стянула остатки моих многолетних страхов, неуверенности и привычки сливаться с бежевыми обоями. Я провела кончиками пальцев по тонким, прочным бретелям, чувствуя, как выпрямляется позвоночник.

Короткие, рубленые мысли бились в голове в ритме стаккато.

Это не для Стаса. Ему больше никогда не увидеть моего тела.

Это не для того, чтобы доказать что-то его глупой молодой любовнице.

Это даже не для Прохора, который приедет за мной в субботу.

Это был мой секретный, кристально чистый программный код, написанный исключительно для себя самой. Базовая, эгоистичная инвестиция в собственное достоинство. Скрытый стержень, который не виден окружающим, но который мгновенно меняет походку, взгляд и акустику голоса.

Я переделалась обратно в свое платье. Вышла к кассе, достала телефон и приложила к терминалу открытую вчера цифровую карту.

Тихий, сытый писк аппарата прозвучал для меня как самая восхитительная симфония в мире. Деньги Прохора, заработанные моим собственным профессионализмом, легко покрыли стоимость этой черной брони. Я больше не нуждалась в позволении мужа на траты. Я сама оплачивала свои решения.

Мы вышли с Леной на морозную улицу.

Ледяной ноябрьский ветер ощутимо ударил в лицо, но я чувствовала себя невероятно теплой, защищенной и пугающе сильной. Внутри меня пульсировала ровная, холодная энергия. Финансовая партитура была полностью переписана.

Я поглубже засунула руки в карманы пуховика и посмотрела на светящиеся желтым окна банкоматов через дорогу.

Мой внутренний хирург криво, безжалостно усмехнулся. Именно сейчас, в эти самые минуты, мой бывший лощеный муж, должно быть, очень наглядно и болезненно знакомится с новыми правилами игры, в панике глядя на красный экран отказа. И у него больше не было ни бежевой жены, ни чужого фикуса, чтобы прикрыть свою окончательную, тотальную наготу перед суровой реальностью.

Глава 14. Сдувающийся шарик эгоизма (Стас)

от лица Стаса

"Операция отклонена. Обратитесь в банк, выпустивший карту."

Эта сухая, безду

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.